

1854.

№ 66.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

Годовое издание съ пересылкою 8 р. 50 к.
Полугодовое. 4 * 50 к.
Объявленія печатаются съ платою за каждую букву по 1/4 коп. серебромъ.

23 Августа,

КАВКАЗЪ.

СРЕДА.

СОДЕРЖАНИЕ:

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ И ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ: Высочайше Приказы по военному ведомству 2—5 Августа и о чинахъ Гражданскихъ отъ 28 Іюля. Высочайшее благоволеніе. КAVKAZЪ: Тифлисъ. Извѣстія съ разныхъ пунктовъ дѣйствія Кавказскихъ войскъ. ФЕЛЬЕТОНЪ: Казачья пѣсня, гр. С. Мъстечко Сачхеры, очеркъ Н. Дункель-Веллингъ. УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ: Шажорская битва. Изъ записки Академ. Броссе. (Продолженіе). ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ и Делеши на имя князя Ливена (объ прибалтии.)

РАСПОРЯЖЕНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА и ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.
ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ.

ПО ОТДѢЛЬНОМУ КАВКАЗСКОМУ КОРПУСУ И ВОЙСКАМЪ КЪ НЕМУ ПРИКОМАНДИРОВАННЫМЪ.

Августа 2-го дня 1854 года. Производится: За отличіе въ сраженіи противъ Турокъ, со старшинствомъ. По Кавалеріи. Состоящій по Кавалеріи и при Донскомъ Казачьемъ № 23-го полку Ротмистръ Руто-Монасъ-Султанъ-Оглы (Аракеловъ), въ Маіори, съ оставленіемъ по Кавалеріи и при томъ же полку. По Иррегулярнымъ войскамъ. Донскаго Казачьяго № 23-го полка Есаулъ Костинъ, въ Войсковые Старшины. По Артиллеріи. Кавказской Гренадерской Артиллерійской бригады фельдфебель Ивановъ, въ Прапорщики, въ Ахалцхский Артиллерійскій гарнизонъ,—первое двое съ 13-го, а послѣдній со 2-го Ноября 1853 года. За отличіе въ дѣлѣ противъ Горцевъ, со старшинствомъ съ 19-го Декабря 1853 года. По Иррегулярнымъ войскамъ. Донскаго Казачьяго № 19-го полка: Командующій онымъ, Войсковый Старшина Ежовъ, въ Подполковники. Есаулъ Алексеевъ, въ Войсковые Старшины. Конно-Артиллерійской № 15-го батареи Кавказскаго Ливійскаго Казачьяго войска Есаулъ Трещатый 2-й, въ Войсковые Старшины. Исключается изъ службы. По Гарнизонной Артиллеріи. Александропольскаго Артиллерійскаго гарнизона Прапорщикъ Рабиничъ.

Августа 4-го дня. Опредѣляются въ службу. Уволенные: По Иррегулярнымъ войскамъ. Изъ Черноморскаго Казачьяго войска, изъ Подполковниковъ Полковникъ Корженскій и Войсковой Старшина Сапунцій,—оба въ это же войско: первый прежнимъ Подполковничьямъ чиномъ, а послѣдній съ назначеніемъ Командующимъ 9-го Коннымъ полкомъ сего войска. Переводится. По Пехотѣ. Егерскаго Генераль-Адъютанта Князя Чернышева полка, Прапорщикъ Большовицъ, въ Егерскій Генераль-Адъютанта Князя Воронцова полкъ. Увольняется въ отпускъ. По Пехотѣ. Брестскаго Пехотнаго полка Поручикъ Землейнъ, для излеченія болѣзни, отъ раны происходящей, въ С.-Петербургѣ, на шесть мѣсяцевъ. Исключаются изъ списковъ. По Кавалеріи. Состоящій по Кавалеріи и при Донскомъ Казачьемъ № 20-го полку Подпоручикъ Усѣинъ-Меринъ-Оглы. Умершій. По Арміи. Цибельдинскій Приставъ, состоящій по Арміи Маіоръ Кобылинскій.

Августа 5-го дня. Назначается. Капитанъ Астафьевъ, Старшимъ Адъютантомъ, по части Генеральнаго Штаба, въ Штабъ Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса. Переводится. По Ливійнымъ бата-

ліонамъ. Грузинскаго Ливійнаго баталіона № 7-го Капитанъ Кладенко, въ Комисаріатскій штатъ, съ зачисленіемъ по Арміи и съ назначеніемъ Смотрителемъ Джелаль-Оглинскаго военно-временнаго госпиталя. Увольняется. Въ отпускъ. По Кавалеріи. Кутаисскій Военный Губернаторъ, Управляющій и Гражданскою частію, Генералъ-Маіоръ Князь Гагаринъ 4-й, для излеченія болѣзни, отъ раны происходящей, въ Крымѣ и къ Сакскимъ гирзямъ, на два мѣсяца. Умершій исключается изъ списковъ. Азовскаго Казачьяго войска Войсковой Старшина Корчевскій.

Государь Императоръ, по засвидѣтельствованію Командующаго Отдѣльнымъ Кавказскимъ Корпусомъ и войсками, къ сему Корпусу прикомандированнымъ, объ отличіи состояніи и сбереженіи рекрутъ, прибывшихъ на укомплектованіе Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса изъ Резервной дивизіи оного, объявляетъ Монаршее благоволеніе: Генералъ-Лейтенантамъ: Командующему сему дивизіею Варнаховскому, въ особенности; состоящему по особымъ порученіямъ при Главномъ командующемъ Отдѣльнымъ Кавказскимъ Корпусомъ Полтвину 4-му; Генералъ-Маіорамъ: Командующимъ Резервными бригадами Пехотныхъ дивизій: 19-й—Румицову 4-му, 20-й—Фонтъ-деръ-Ионне, 21-й—Зарецкому и Кавказскою Резервною Ливійною бригадою, Полковнику Липуну 4-му, а также Командирамъ Резервныхъ баталіоновъ и Штабъ-Офицерамъ, командовавшимъ маршевыми баталіонами, во время слѣдованія сихъ рекрутъ на Кавказъ.

Высочайшимъ приказомъ по гражданскому ведомству, Іюля 28 дня 1854 года: Производится за выслугу лѣтъ изъ коллежскихъ секретарей въ титулярные советники. Чиновникъ для порученій, по акцизному откупу, при гражданскомъ управленіи съверовосточнаго берега Чернаго моря Сестрицкій, правитель гражданской канцеляріи начальника 1 отдѣленія Черноморской береговой линіи Дульветовъ и полицейскій чиновникъ при Анапскомъ комендантѣ Кондараки, со старшинствомъ: Кондараки съ 24 декабря 1852; сестрицкій съ 22, Дульветовъ съ 29 Іюня 1853 года.

Гражданскій канцелярій начальникъ Черноморской береговой линіи: Изъ коллежскихъ регистраторовъ въ губернскіе секретари. Журналистъ Телесницкій и канцелярскіе чиновники Триполитовъ и Толмачевъ, со старшинствомъ: Триполитовъ съ 15 сентября 1853; Толмачевъ съ 3, Телесницкій съ 12 января 1854 года. Въ коллежскіе регистраторы: Канцелярскій учитель Шафрановскій, со старшинствомъ съ 26 мая 1853 года.

Учитель Тифлискаго мусульманскаго училища, коллежскій секретарь Филоновъ увольняется отъ гражданской службы, по прошенію, для опредѣленія въ военную службу.

Государь Императоръ Высочайше повелѣтъ соизволилъ: по случаю кончины Е. В. Короля Саксонскаго Фридриха-Августа, наложить при Высочайшемъ Дворѣ трауръ на двадцать четыре дня, съ обыкновенными раздѣленіями, начавъ оный съ 30-го іюля.

КАВКАЗЪ.

Тифлисъ. Давно не видѣлъ Тифлисъ такого прекраснаго праздника, какимъ въ прошедшее воскресенье у насъ ознаменовалась двадцать восьмая годовщина счастливѣйшаго для Россіи событія. Въ девять часовъ утра Его Высочайшее Превосходительство, Господинъ Командующій Отдѣльнымъ Кавказскимъ Корпусомъ присутствовалъ при церковномъ парадѣ на Эриванской площади. Оттуда Е. В.-п., вмѣстѣ съ высшими военными и гражданскими чинами города, отправился въ Сіонскій соборъ для слушанія литургіи и молебствія, съ колѣнопреклоненіемъ, о здравіи Августѣйшаго Виновника праздника. Кромѣ Сіонскаго собора, и другіе тифлискіе храмы были наполнены народомъ, хотѣвшимъ особенно въ этотъ день молиться о Томъ, чья благая и мощная рука въ теченіе столькихъ лѣтъ разсыпала на всю Свою Державу благодѣянія мира и довольства, а нынѣ, во времена военной грозы, облеклась несокрушимымъ щитомъ, охраняющимъ подвластные народы отъ нападенія и униженія, замышляемаго крамольными врагами. Можно съ увѣренностію сказать, что краткія, но горячѣ-чувствуемая всеми слова священнаго гимна: «Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояніе Твое, побѣды благовѣрному Государю нашему Императору

ФЕЛЬЕТОНЪ.

Казачья пѣсня,

ПѢТАЯ ЛИНІЙНЫМИ КАЗАКАМИ 12 АВГУСТА 1854 ГОДА ВЪ ЛАГЕРЬ ПРИ АХЪ-УЗЮМЪ, ВЪ АЗІЯТСКОЙ ТУРЦІИ.

Съ Малки, съ Терека, съ Кубани,
Довелось собраться намъ,
Чтобы дали басурмане
Честь и мѣсто казакамъ. —

Видно Турки въ самомъ дѣлѣ
Заартачились не въ прокъ,
Позабыть уже успѣли
Прежде заданный урокъ.

Льзуть съ грозною замашкой:
Мы на встрѣчу выйдемъ къ нимъ,
Да казацкой доброй шашкой
Въ Туркѣ память подновимъ.

Для начала, ради скуки,
Мы потѣшимся слегка,
Пусть себѣ башп-бузуки
Распознаютъ казака;

А когда ряды пизама
Фронтъ безсчѣтный развернутъ,
Имъ же больше будетъ срама
Какъ отъ нашихъ побѣгутъ.

То-то знатная работа!
Распогѣшься тутъ сподна!

Гдѣ ни взглянь—у насъ ворота,
А у нихъ валятъ стѣна.

Ихъ Французы обучали,
Англичанинъ имъ кунакъ,
А доучить ихъ едвали
Не линейный нашъ казакъ.

Хватимъ дружнымъ ихъ ударомъ
На казацкое ура!
Чтобъ во слѣдъ за Кадкляромъ
Помнить имъ Кюрюкъ-Даръ.

Да и намъ-то на станицѣ
Будетъ что поразсказать,
На турецкой какъ границѣ
Мы умѣли воевать;

Противъ силы нечестивой
Какъ насъ велъ лихой Камковъ,
Какъ нашъ Скобелевъ правдивый
Службу правилъ казаковъ.

Не жалѣлъ за Русь, за Бога
Онъ ни жизни, ни труда,
И хоть съ нами былъ немногъ
Будетъ нашимъ навсегда.

Передъ всѣмъ крещенымъ мѣстѣмъ
Пусть же вѣкъ поѣтся намъ
Честь и слава Командирамъ!
Честь и слава казакамъ!

Гр. С.

Мѣстечко Сачхеры.

Къ числу живописнѣйшихъ селеній Кутапской губерніи безспорно принадлежитъ м. Сачхеры, Шаропанскаго уѣзда, въ участкѣ, которому оно даетъ свое имя. На рубежѣ горной Рачи, въ томъ мѣстѣ, гдѣ Кударское ущелье, разширяясь на холмистыя пажити, даетъ просторъ быстро стремящемуся изъ него Квирилу, приютилось къ обрыву утесистой горы, увѣчанной древнею крѣпостью Модинахе, малолюдное населеніе Сачхеръ.

Какъ самое это мѣсто, такъ и окрестныя деревни принадлежатъ многочисленной и древнѣйшей въ Имеретіи фамилии князей Церетели. Княжескія жилища красиво бѣлѣютъ въ густой зелени и окаймляютъ каменную гору, маня радушно странника подъ своей гостепріимной кровль. Туземцы называютъ это мѣсто сацхерто (საქურთო), что можно перевести по-русски церетелевская волость или, просто, Церетеля.

Есть много предестіи и величественности въ живописномъ положеніи самаго мѣстечка и окружающихъ его деревень; глазъ теряется съ одной стороны въ холмахъ, покрытыхъ зеленою хлѣбовъ, засѣянныхъ на всемъ пространствѣ этой мѣстности, составляющей житницу Кутапской губерніи и Осетіи; съ другой стороны Кударское ущелье представляется наблюдателю въ мгlistомъ синеватомъ туманѣ, въ коемъ едва замѣтно рисуется селеніе Чалы, а за нимъ озеро—резервуаръ быстраго Квирила. Надъ этою частью картины высятся снѣговыя горы, которыхъ зубчатый узоръ ясно рисуется на свѣтло-голубой лазурн; съ двухъ остальныхъ сторонъ горы закрываютъ панораму. Съ одной изъ нихъ нависла надъ мѣстечкомъ упоминаемая выше крѣпость, названная по неприступности своей Модинахе (прійди, посмотри). Этотъ древній остатокъ укрѣпленія, построеннаго предками князей Церетели ранѣе времени имеретинскихъ царей, и едва ли не совпадающій со временемъ цвѣтущаго состоянія Кутаписіума, представляетъ собою образецъ древнихъ крѣпостей, въ новѣйшій зр. Кавказомъ. Церковь вну-

«Николаю Павловичу»,—въ этотъ день излетали изъ усть молившихся съ особенною искренностію, съ особенною любовью къ Тому, за Кого онѣ были возсылаемы къ Богу. Къ вечеру того-же дня торжество достопамятнаго дня замѣнило свой религіозный характеръ характеромъ великолѣпнаго народнаго увеселенія. Едва только сумерки, не поздніе въ настоящее время года, распространились надъ Тифлисомъ,—какъ великолѣпное освѣщеніе города на всемъ протяженіи отъ высотъ старой крѣпости до новаго каменнаго моста, ведущаго въ Куки,—озарило нашъ живописный городъ чуднымъ, фантастическимъ свѣтомъ. Въ особенности же замѣчательна была разноцвѣтная иллюминація Головинскаго бульвара. Въ тоже время на углу Николаевской площади раздавался хоръ русскихъ пѣсенниковъ, а вслѣдъ за тѣмъ для безчисленной толпы народа растворились двери въ садъ при домѣ Главнокомандующаго, гдѣ два хора прекрасной полковой музыки встрѣтили очаровательными звуками посетителей всѣхъ сословій Тифлиса. Тутъ сосредоточилось гулянье. Въ многочисленныхъ и широкихъ аллеяхъ сада сдѣлалось тѣсно, въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Тѣснившаяся толпа была чрезвычайно интересна разнообразіемъ костюмовъ, принадлежащихъ Европѣ и Азій, военному и мирно-гражданскому званію. Но еще живописнѣе былъ самый садъ, составлявшій какъ-бы декорацію для обширной сцены, на которой двигались безчисленные дѣйствующія лица, и для которой не было недостатка даже и въ оркестрѣ. Нельзя было только разлѣзывать отдѣльныхъ рѣчей и монологовъ на этой огромной сценѣ,—но за то нетрудно было угадать общую мысль дѣйствія: она составляла собою, такъ-сказать, продолженіе тѣхъ самыхъ воспоминаній и помысловъ, которыя, поутру того же дня, направляли всю эту толпу въ храмы Божіи для молитвы... Роскошное освѣщеніе сада и садоваго пруда разноцвѣтными киваньями было поистинѣ очаровательно. Къ тому-же и вечерняя погода, своей теплотою, совершеннымъ безвѣтріемъ и луннымъ освѣщеніемъ, вполне способствовала празднику,—и замѣнилась дождемъ и непогодой только лишь тогда, когда окончилось гулянье,—а это уже было очень поздно.

три крѣпости построена очевидно во времена позднѣйшія; но особенно замѣчательна на такой высотѣ ключъ свѣтлой, прозрачной воды, обильно изливающей струи свои. Изъ крѣпости горизонтъ расширяется и даетъ еще болѣе простора глазу, который съ трудомъ можно оторвать отъ этой чудной картины. Внутри постройки видны старинныя помѣщенія, раздѣленные на части, и подземелья высѣченныя глубоко въ скаль. Еще недавно взятые отсюда древнія крѣпостныя ружья огромныхъ размѣровъ (отъ 3 до 5 аршинъ длиною), украшенные насѣчкою превосходной работы; вывѣсь онѣ хранятся въ домѣ князя Александра Церетели.

Населеніе Сачхеръ состоитъ изъ 80 еврейскихъ семействъ, поселившихся здѣсь лѣтъ за полтора, по приглашенію владѣльцевъ, изъ нѣсколькихъ туземныхъ промышленниковъ, которыхъ нельзя считать коренными жителями, и изъ четырехъ или пяти Армянъ-торговцевъ, тоже временныхъ обитателей. Члены фамиліи князей Церетели, занимающіе дома, опоясывающіе гору, суть почетнѣйшіе жители собственного своего владѣнія, и по древности своего происхожденія пользуются уваженіемъ во всей Имеретіи. Жилища ихъ всѣ въ два этажа, болѣею частью каменные, покрытыя драпью или теомъ, со многими службами для помѣщенія гостей, прислуги и проч.; нѣсколько ближайшихъ родныхъ имѣютъ одну церковь, и составляютъ одинъ приходъ, но при домѣ князя Александра Церетели есть особая церковь. Этотъ представитель семейства, сынъ Георгія Церетели полковника русской службы, по своему вліянію и состоянію есть главное лицо, какъ бы родоначальникъ своей фамиліи; въ мирѣ и войнѣ голосъ его уважается всеми остальными членами. Домъ его обширенъ прочіи и снабженъ предметами роскоши европейской, живописно смѣшанной съ азіатскою. Кромѣ имѣющихся уже домовъ, отдѣляющіеся отропки семейства строятъ себѣ новыя жилища; изъ такихъ особенно замѣчательна домъ князя Пепуна Церетели, сооружаемый Греками-каменотѣсцами изъ камня, добываемаго въ горѣ, на которой стоитъ старая крѣпость.

Около Сачхеръ бѣжитъ, или лучше сказать, его омываетъ Квирли, который быстро несетъ свои воды въ исторической Фазисъ, соединившись, до впаденія въ него, съ рѣкою Дзирувлою у подошвы древней Саропаны. Сколько именъ, дышащихъ въковою древностію! Противъ Сачхеръ, за Квирломъ, на горахъ и холмахъ, между тучными па-

— Вчера 24 ч. прибылъ въ нашъ городъ Начальникъ Эриванскаго отряда генераль-лейтенантъ Баронъ Врангель.

Въ одно время съ неудачнымъ покушеніемъ Шамиля на лѣвый флангъ Лезгинской Линіи, Горцы потерпѣли пораженія и на другихъ пунктахъ Кавказа.

По распоряженію Командующаго Отдѣльнымъ Кавказскимъ Корпусомъ, Начальники войскъ, расположенныхъ на Кумыкской плоскости, въ Чечнѣ и въ Сѣверномъ Дагестанѣ, произвели успѣшныя поиски въ собственные аулы мятежниковъ.

29-го іюня, Флигель-Адъютантъ Полковникъ баронъ Николаи двинулся вверхъ по р. Ярык-су и, послѣ упорнаго боя, овладѣвъ сильными завалами, устроенными непріателемъ въ Гойтемирѣ, совершенно ихъ уничтожилъ.

Съ 1-го по 5-е іюля, Генераль-Маіоръ баронъ Врангель, углубясь въ Чечню, разорилъ Мезенскіе хутора.

7-го іюля, Генераль-Лейтенантъ князь Орбеліани 2-й, переправясь чрезъ Сулакъ въ землю Салатаевцевъ, истребилъ многолюдное селеніе Буртунай.

Наконецъ, 11-го іюля, Флигель-Адъютантъ Полковникъ баронъ Николаи вновь двинулся въ землю Ауховцевъ и, занявъ укрѣпленный непріателемъ постъ на р. Яман-су, предалъ огню аулы Сати-Юртъ и Талубай-Юртъ.

Во всѣхъ этихъ дѣлахъ съ нашей стороны убито нижнихъ чиновъ 61; ранено: оберъ-офицеровъ 10, нижнихъ чиновъ 71.

Внезапность и быстрота движеній нашихъ обеспечили успѣхъ.

Кромѣ чувствительной потери, нанесенной мятежникамъ, мы достигли важной цѣли—отвлеченіемъ отъ главнаго сборища Шамиля до 5 т. Горцевъ, которые посѣпили на защиту своихъ семействъ и жилищъ.

Дополненіе къ извѣстію съ Кавказско-Турецкой границы, помѣщенію въ 60 № Кавказа.

Репортъ Командующему Отдѣльнымъ Кавказскимъ Корпусомъ, Командующаго Дѣйствующимъ

жителями разсыяны монастыри, церкви и деревни, частью принадлежащія князьямъ Церетели, а нѣкоторыя населены многочисленною тоюже фамиліей дворянъ; эти послѣдніе начали свое существованіе какъ княжескіе дворяне, по пожалованію отъ князей своихъ однофамильцевъ. Представитель дворянской фамиліи Церетели, Благочинный Сачхерскаго участка Окропиръ (Златоустъ) пользуется большимъ вліяніемъ на крестьянъ всего округа, уваженіемъ князей и дворянъ.

Сачхерскій участокъ можетъ по справедливости считаться житницею Кутаисской губерніи и Осетіи; утесы и горы послѣдней не способны къ земледѣлію и по этому въ ней хлѣбопашество замѣняется скотоводствомъ. Въ Сачхерскомъ-же и сопредѣльномъ ему Чхарскомъ участкахъ высѣвается ежегодно до 5 т. коды пшеницы, которая при среднемъ урожаѣ даютъ 100 т., при высокомъ 200 т. и при низкомъ 60 т. коды (3 коды составляютъ четверть). Бываютъ годы, когда посѣвъ даетъ земледѣльцу жатву самъ 80 и даже 100, но это бываетъ рѣдко и не можетъ приниматься въ расчетъ при среднемъ выводѣ ежегоднаго урожая. Ячмень сѣется незначительное количество, но посѣвы и жатвы кукурузы обильны и простираются до 60 и болѣе тысячъ коды.

Осетины доставляютъ сачхерскимъ жителямъ рогатый скотъ, барановъ и лошадей, извѣстныхъ своею силою и отличнымъ ходомъ по горнымъ тропинкамъ, а отъ нихъ получаютъ пшеницу и кукурузу. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ участка родится пшеница отличной бѣлизны и отъбѣннаго вкуса, коей гордятся Сачхерцы.

Въ мѣстечко Сачхеры ведутъ двѣ дороги: одна ближайшая чрезъ селеніе Чхары, пролегающая чрезъ горы, правая живописна, но чрезвычайно крутыя при спускахъ и подъемахъ. Множество ручьевъ, которые при тапніи снѣговъ и дождяхъ превращаются въ бурные потоки, еще болѣе затрудняютъ путь, но вмѣстѣ съ тѣмъ разнообразятъ чудную, картинную мѣстность, которой нельзя не любоваться даже при изнуреніи, въ которое впадаетъ, не скажу путешественникъ, а странникъ по этимъ утесамъ и дебрямъ. Верстахъ въ 20 отъ Кутаиса, равняясь съ Симонетскою станціею, красивое зрѣніе которой блѣдетъ въ густой зелени,—начинаются обработанныя поля, засѣяныя хлѣбомъ. Глазъ съ удовольствіемъ пробѣгаетъ огромное пространство, по которому зеленѣе всходовъ пшеницы, пересѣкаемое кос-га рядами деревьевъ и кустарниковъ или

Корпусомъ въ Азіатской Турціи, отъ 25-го Іюля 1854 года, № 1,372-й.

Изъ предшествовавшихъ моихъ донесеній Вашему Высокопревосходительству извѣстно, что, расположившись съ вѣтреннымъ мѣстѣ Корпусомъ при Кюрукъ-Дара, я имѣлъ въ виду вызвать на бой непріателя, занимавшаго сильный укрѣпленный лагерь при Хаджи-Вали, въ 18-ти верстахъ отъ Карса. Послѣ довольно продолжительнаго ожиданія и неоднократныхъ стычекъ съ передовыми турецкими войсками, надежды мои наконецъ сбылись и Всевышній благословилъ оружіе Его Императорскаго Величества.

23-го Іюля, вечеромъ, лазутчики дали мнѣ знать, что непріатель готовится къ движенію или на нашъ лагерь, или къ Карсу. Желая быть готовымъ на тотъ и на другой случай, т. е. встрѣтить нападеніе противника или ударить ему во флангъ, если бы онъ дѣйствительно потянулся на Карсъ, я тотчасъ же приказалъ убрать лагерь и всѣ тяжести въ вагербургъ, для прикрытія коего оставилъ Кавказскій Саперный баталіонъ, двѣ сотни Донскаго Казачьяго № 4-го полка при 10 орудіяхъ, а весь отрядъ, въ составѣ 17-ти баталіоновъ пѣхоты, 1 Стрѣлковаго баталіона, 26 эскадроновъ Драгунъ, 6 сотенъ Казаковъ, при 56 орудіяхъ, направилъ я, 24-го Іюля, въ 3 часа утра, по дорогѣ на Мешко, въ двухъ полоннахъ, одна отъ другой на разстояніи 200 шаговъ.

Чрезъ 1½ часа, когда уже достаточно разсвѣло, и когда отрядъ успѣлъ отойти отъ лагера не болѣе 4-хъ верствъ, передовые разѣзды дали мнѣ знать, что непріатель, въ огромныхъ силахъ, двигается на нашъ лагерь. Произведенный осмотръ убѣдилъ меня въ дѣйствительности сего извѣстія. Замѣтивъ притомъ, что главныя массы Турокъ направлены противъ лѣвой оконечности оставленнаго лагера, гдѣ они заняли гору Кара-али (на которой былъ устроенъ редутъ),—я тотчасъ же сдѣлалъ слѣдующія распоряженія:

Кавказскую Гренадерскую бригаду, въ составѣ 7-ми баталіоновъ, Бѣлевскій Егерскій полкъ и Кавказскій Стрѣлковый баталіонъ, съ тремя батареями, весь Драгунскій Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича полкъ, 6-ть эскадроновъ Драгунскаго Его Королевскаго Вы-

бѣлыми камнями, выдающимися на поверхность земли, какъ черепа гигантовъ въ ней погребенныхъ. По тропинкѣ, вьющейся съ горы на гору, путникъ подвигается далѣе, оставляя за собою сакли, поля и изгороди; наконецъ утомленный цѣлымъ днемъ труднаго пути, останавливается у лѣвой оконечности монастыря съ десятиугольною церковью во имя св. Николая, отличающагося своею громадностію и величественностію. Инокіи радушно принимаютъ странниковъ и покрѣпляютъ ихъ силы для дальнѣйшаго пути. Въ пяти верстахъ отъ монастыря дорога выходитъ къ рѣкѣ Квирли, бѣшено стремящемуся между сжатými каменными утесами. Множество притоковъ еще болѣе увеличиваютъ быстроту рѣки и ревъ ея далеко раздается въ прибрежныхъ лѣсахъ. Переправившись чрезъ ручей, образующій десятки маленькихъ водопадовъ, странникъ выѣзжаетъ на узкую вьющуюся дорогу, которая проработана на протяженіи 20 верствъ по ребрамъ каменныхъ утесовъ. Устройство этой дороги жители обязаны заботливости мѣстныхъ властей, во время управленія Губерніею княземъ А. И. Гагаринымъ, желавшимъ облегчить путь въ богатый хлѣбомъ сачхерскій участокъ.

Ежели-бы была возможность даже съ большими издержками расширить ложе Квирли, и сдѣлать его судоходною рѣкою хотя для плоскодонныхъ каюковъ, то выгоды такого рода устройства были-бы неисчислимы; но гранитныя глыбы, нависшія надъ мутными, пѣнящимися волнами рѣки, не даютъ и тѣмъ надежды, чтобы подобное предположеніе увѣчалось когда нибудь успѣхомъ.

Слѣдуя по этой дорогѣ, которая виситъ надъ Квирломъ, какъ карнизъ огромнаго зданія, путникъ ни на минуту не остается въ томъ апатическомъ состояніи, которое наводитъ обыкновенно на человека однообразная, плоская окрестность. Вы—то любуетесь водопадомъ, который ниспадая узкою струею съ высоты десяти сажень, ударяется о плоскій выдавшійся камень и, не донося ни одной капли воды, осыпаетъ васъ только водяною пылью; то вашему изумленному глазу представляются на значительной высотѣ изсѣченныя въ гранитѣ пещеры, и въ нихъ деревянныя сакли или слѣды каменныхъ построекъ, въ которыхъ скрывались жители, какъ говоритъ преданіе, отъ нападенія Турокъ. Роскошная растительность, одѣвающая нижніе уступы, постепенно уменьшается, и на вершинахъ замѣняется

сочества Наслѣднаго Принца Виртембергскаго полка и Сводный Линейный Казачій полкъ Полковника *Камкова*, съ двумя Конными Донскими батареями, направилъ я противъ праваго фланга непріятеля и его центра, давъ имъ приказаніе рѣшительно наступать. Прочія же войска, т. е. весь Тульскій Егерскій полкъ, два Рязскіе баталіона, Драгунскій Фельдмаршала Князя Варшавскаго полкъ, три сотни Донскаго № 20-го полка, 2½ пѣшихъ батареи и дивизионъ Конной Артиллеріи, были оставлены въ резервъ до разъясненія намѣреній непріятеля. — Три сборныя сотни Линейныхъ казаковъ Флигель-Адъютанта Полковника *Скобелева* и Конно-Мусульманская бригада были поставлены на оконечности праваго фланга, для наблюденія за непріятелемъ.

Въ 5¼ часовъ утра открыта была сильная канонада со стороны непріятеля; расположеніе его батареи показало мнѣ, что онъ, пользуясь мѣстностью, загнулъ оконечность своего праваго фланга, подъ прямымъ угломъ къ фронту. Хотя подобное расположеніе непріятельскихъ силъ удвоило труды атакующей колонны, однако же храбрые Кавказцы, которымъ не хотѣли уступить ни въ чемъ и войска, прибывшія изъ Россіи, смѣло подвигались впередъ. Первая атака была произведена кавалеріею, находившеюся на нашемъ лѣвомъ флангѣ, и отбитая ею 8-мь орудій служили ручательствомъ въ счастливомъ исходѣ дѣла. — Между тѣмъ, пѣхота быстро наступала впередъ; непріятель, безостановочно тѣснимый на протяженіи трехъ верстъ, занялъ наконецъ довольно значительную высоту, на которой могъ дать рѣшительный отпоръ. На этой высотѣ наша пѣхота, имѣя противъ себя 28-мь баталіоновъ, и находясь подъ убійственнымъ огнемъ штуцерныхъ и 20-ти орудій, вступила въ рукопашный бой съ Турками. — Полный успѣхъ увѣчалъ эту рѣшительную атаку: центръ непріятельскій былъ прорванъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и весь правый флангъ его опрокинутъ.

Въ то самое время показались значительныя непріятельскія силы противъ нашего праваго фланга. Поставивъ въ линію два Тульскіе баталіона, съ одною батареею, и Дворянскую дружину, и направивъ на оконечность праваго фланга два Рязскіе баталіона, всю бывшую въ резервъ кавалерію; 12 пѣшихъ орудій и 4 конныхъ, я оставилъ въ ре-

зервъ, противъ горы, занятой непріятелемъ, и для прикрытія перевязочнаго пункта, только два Тульскіе баталіона и одну пѣшую батарею.

Направленіе непріятельскихъ колоннъ заставило меня растянуть линію боя почти на 5-ть верстъ, и едва успѣли войска занять указанныя имъ мѣста, какъ открыта была сильная канонада съ обѣихъ сторонъ. Отвѣчая въ центрѣ на непріятельскій огонь, я въ то же время приказалъ правому флангу перейти въ наступленіе. Дѣйствія на этомъ флангѣ также имѣли полный успѣхъ: рѣшительныя кавалерійскія атаки, поддержанныя пѣхотою, уничтожили все покушенія непріятеля обойти нашъ флангъ и заставили его искать спасенія въ бѣгствѣ, оставивъ 7 орудій въ нашихъ рукахъ.

Лишь только я замѣтилъ колебаніе въ непріятельскихъ войскахъ, направленныхъ противъ нашего праваго фланга, тотчасъ же приказалъ наступать Тульскимъ баталіонамъ и въ то же время направилъ всю иррегулярную кавалерію неотступно преслѣдовать бѣгущихъ и забирать въ плѣнъ.

Когда правый флангъ перешелъ къ рѣшительному наступленію, лѣвое наше крыло, остановленное на нѣсколько минутъ сѣлою кавалерійскою атакою непріятеля, вновь начало подаваться впередъ. Турки поспѣшно отступили и наконецъ укрылись въ свой укрѣпленный лагерь, отстоявшій еще отъ нашей линіи въ 10-ти верстахъ.

Совершенное утомленіе войскъ, бодрствовавшихъ всю ночь и побѣдившихъ сильнаго непріятеля, necessitated заботы о томъ, чтобы подать помощь раненымъ, подобрать убитыхъ и отбитыя орудія, не дозволили мнѣ продолжать преслѣдованіе, тѣмъ болѣе, что бой, начавшійся въ 5-ть часовъ утра, на безводномъ мѣстѣ и въ знойный день, окончился только въ часъ по-полудни. При томъ непріятель, разбитый въ полѣ, могъ оказать еще сопротивленіе за искусственными и естественными преградами въ своемъ укрѣпленномъ лагерѣ. Посему, давъ отряду получасовой отдыхъ, я приказалъ ему возвратиться въ свой прежній лагерь, при сел. Кюрукъ-Дара.

Трофеи славной побѣды, одержанной Александропольскимъ отрядомъ 24-го Юля близъ сел. Кюрукъ-Дара, состоятъ въ слѣдующемъ: 15-ть орудій съ 16-ю зарядными ящиками, 2 знамени, 4 штандарта,

мхами разныхъ цвѣтовъ, красиво разнообразныхъ одноцвѣтными, сѣрыя громады. Въ разсѣлинахъ у самой дороги, какъ будто нечаянно занесенные сюда, ярко краснѣютъ цвѣты полевого мака, привѣтливо склоняя надъ нею свои цинповыя головки. Въ мѣстѣ, гдѣ оканчивается дорога, пролегающая по ребрамъ утесовъ, и въ верстахъ 15 отъ Сачхеръ, путникъ, минуя малый монастырь во имя св. Самеба, поворачиваетъ влѣво и по извилистой тропѣ поднимается на вершину горы, пикъ которой онъ могъ примѣтить между прочими верстъ за 20. По мѣрѣ восхожденія, онъ мало по малу равняется и оставляетъ подъ ногами все окрестныя возвышенности, а поднявшись на вершину, обнимаетъ глазомъ огромное пространство: видитъ сѣнь горы Лечгума, верхней Рачи, Осетин и подъ послѣдними въ синеватой дали примѣчаетъ Сачхерскую крѣпость и, какъ бѣлую точку, домъ князя Александра Церетели. Съ этого мѣста путь не труденъ, но утомителенъ, и ведетъ къ небольшой рѣкѣ Джручи, черезъ которую переброшены особеннаго устройства мосты, какихъ много встрѣчается въ Имеретіи. Это два длинные бревна, прикрытыя плетеной изъ хвороста; внизу, на глубинѣ 12 или 15 сажень, несется и шумитъ потокъ, а бревна, качающіяся подъ тяжестью тѣла, ежеминутно угрожаютъ паденіемъ, при которомъ нѣтъ спасенія.... По опасности—это переходы второстепенные; есть сооруженія еще воздушныя, а именно висячіе мосты изъ виноградныхъ лозъ. Приготовляясь къ переправѣ черезъ нихъ, невольно крестись и предаешь душу свою Богу.

Я пробылъ въ Сачхерахъ нѣсколько дней и уже собрался въ обратный путь; но меня просили посѣтить годовую праздникъ св. Іоанна Крестителя въ нѣсколькихъ верстахъ отъ мѣстечка, въ имѣніи князя Церетели. Противъ обыкновенія, праздникъ не былъ многолюденъ; князя, дворяне и жители церетелевской волости были на другомъ, кровавомъ праздникѣ, чтобы грудью преградить Туркамъ путь въ ихъ прекрасную страну. Но за то глаза путника могли съ истиннымъ наслажденіемъ любоваться прекрасными лицами Имеретинковъ, между которыми, какъ звезда первой величины, красовалась юная и прекрасная княжна Матрона Церетели, дѣвушка замѣчательной красоты. Послѣ обѣда, по приглашенію дворянина Абдушело-швили, мы отправились къ нему въ домъ, освѣщенный прекрасными деревьями и стоящій не вдалекѣ отъ развалинъ древней крѣ-

пости. Фамилія Абдушело-швили происхожденія турецкаго; предокъ ихъ Абдуль-шейхъ помѣщался съ турецкимъ гарнизономъ въ крѣпости, о развалинахъ коей я упомянулъ, и былъ грозой этой части Имеретіи; но, по изгнаніи его соотечественниковъ, остался въ этой благодатной странѣ, принялъ христіанство, женился на Имеретинкѣ и получилъ отъ царя дворянское достоинство и нѣсколько дымовъ крестьянъ. Потомки его хорошіе, умные люди, любящіе горячо свое отечество и вѣрные слуги Государя; двое изъ нихъ готовились къ отъезду на войну, и весело пѣли прощальную чару, съ благоговѣйнымъ восторгомъ предлагая тостъ за здравіе и благоденствіе нашего великаго и могучаго Царя и за успѣхи Его предначертаній. Подобныхъ фамилій здѣсь немало: много Турокъ предпочли жизнь въ Имеретіи возвращенію въ отечество и все безъ исключенія приняли христіанство.

Поводомъ къ празднику, на который я былъ приглашенъ, было чудо, совершившееся съ членомъ фамиліи Гудобрандзе, — такъ по крайней мѣрѣ повѣствуетъ легенда, — чудо относящееся ко времени борьбы Имеретинъ съ Турками. Въ настоящее время тоже совершаются чудеса нашими штыками, и по окончаніи войны долго будутъ вспоминать о нихъ храбрые Имеретинцы, дѣятельно принимавшіе участіе въ этихъ событіяхъ.

Послѣ пира у привѣтливыхъ хозяевъ, я отправился въ Кутансъ по другой дорогѣ, имѣя въ виду обозрѣть мѣстность съ противоположной стороны и имѣть подробныя свѣдѣнія о другой, ведущей въ эту изобильную житницу, дорогѣ, доступной проходу аровъ, хотя, правда, только въ удобное время года, когда ручьи дѣлаютъ проѣздъ свободнымъ, а лощины не представляютъ сплошныхъ массъ топкой грязи. Такого благоприятнаго времени въ году немного, — Юль, августъ и сентябрь мѣсяцы, и то не все, потому что дожди здѣсь весьма часты, а почва жирна и легко превращается въ глубокую грязь.

Я началъ свое обратное путешествіе рано утромъ, на тощей лошаdkѣ, достоинства которой оцѣнилъ вполне на крутыхъ спускахъ и подъемахъ, которые безъ остановки составляютъ весь путь на пространство въ 25 верстъ. Верстахъ въ 17 отъ гостеприимной савані Абдушело-швили начинается величественно-живописное *Собачье ущелье* (ძვგობ-ჯგობ).

20-ть значковъ, множество оружія, барабановъ, музыкальныхъ инструментовъ и 2018 плѣнныхъ, изъ которыхъ: Штабъ-Офицеровъ 2, Оберъ-Офицеровъ 84, и нижнихъ чиновъ 1932 — все регулярной дѣлхоты (низамъ).

О потерѣ непріятеля нѣтъ еще положительныхъ свѣдѣній; но тѣмъ осталось на мѣстѣ болѣе 2 т.

Подобный кровавый бой, въ которомъ съ обѣихъ сторонъ гремѣло, въ продолженіи четырехъ часовъ, до 140 орудій, не могъ и намъ обойтись безъ значительной потери, тѣмъ болѣе, что Турки оказывали такое сопротивленіе, какого старые служивые никогда еще за ними не замѣчали. — У насъ убито: Штабъ-Офицеровъ 4, Оберъ-Офицеровъ 17, нижнихъ чиновъ 568; ранено: Генераль 1, Штабъ-Офицеровъ 9-ть, Оберъ-Офицеровъ 70, нижнихъ чиновъ 1831; контужено: Генераль 1, Штабъ-Офицеровъ 9, Оберъ-Офицеровъ 29, нижнихъ чиновъ 444; убито милиціонеровъ 10, а ранено и контужено 61.

Искренно скорбя о понесенной Александропольскимъ отрядомъ потерѣ, которой и нельзя было избѣгнуть при подобныхъ результатахъ, я считаю обязанностію только упомянуть, что этотъ отрядъ, по показанію плѣнныхъ, имѣлъ противъ себя: 48-мь баталіоновъ пѣхоты, каждый отъ 600 до 700 человекъ; 16 кавалерійскихъ регулярныхъ полковъ, каждый отъ 700 до 800 человекъ, 14 т. башибузуковъ, не болѣе 500 Куртинъ и 80 орудій. — Войска эти находились подъ начальствомъ *Мушира-Зарифа-Мустафы-Паши*; у насъ же было всего подъ ружьемъ только около 18 т. человекъ.

Не нахожу словъ, чтобы достаточно выразить доблесть, оказанную войсками Александропольскаго отряда, и затрудняюсь отдать кому-либо изъ нихъ преимущество. Отъ перваго до послѣдняго все сражались геройски: Кавказскія войска, испытанныя уже въ бояхъ, извѣстны Вашему Высокопревосходительству, а вновь прибывшія изъ Россіи ни въ чемъ не хотѣли имъ уступить и ни въ чемъ отъ нихъ не отставали. Считаю долгомъ только упомянуть, что артиллерія искуснымъ своимъ дѣйствіемъ, весьма много способствовала успѣху боя.

Переходя за тѣмъ къ лицамъ, наиболѣе оказавшимъ отличіе и наиболѣе содѣйствовавшимъ одержанію побѣды, я считаю священнымъ долгомъ назвать: Начальника Главнаго Штаба, Генераль-Адъютанта *Князя*

Спускаясь постепенно въ глубину этого гигантскаго оврага, кажется будто окрестныя гранитныя громады давятъ васъ своею тяжестью, мракъ окружаетъ среди бѣлаго дня, въ лицо вѣетъ прохладой, не смотря на то, что на возвышенности господствуетъ жаръ почти тропическій. Васъ обладаетъ сырмъ запахомъ лѣсовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вы вдыхаете ароматы желтой *lonicera* и *rododendrona*, красивыми фестонами раскинувшихся по голымъ скаламъ. Невольно останавливаешься, любясь этой грозной природой, клочкомъ синяго неба надъ головою и могучею растительностію, которая опутываетъ пышнымъ зеленымъ покрываломъ и старыя пни полуистлѣвшихъ деревьевъ и обломки скалы, сброшенной съ крутизны. А предъ вами, какъ стѣна, высится крутой подъѣмъ, и не хочется вѣрить, что можно взобраться на эту высоту; она представляется глазамъ одной сѣрой сплошной массой, усыянной деревьями, но едва приметная тропа вѣется какъ ручеекъ, и послѣ многихъ чудовищныхъ поворотовъ выводитъ васъ снова на вершину и вы сами удивляетесь, что недавно были на днѣ этой мрачной пропасти. И снова раздвигается предъ глазами вашими широкій горизонтъ, сивава и сѣва рисуются на небѣ далекія сѣньковыя горы, теряясь въ синеватомъ туманѣ. А солнце обливаешь всю окрестность горячими, палачими лучами, и юнитъ путникъ утомленнаго коня, который едва шагаетъ по раскаленнымъ камнямъ. Но вотъ не вдалекѣ лѣсъ, манящій подъ свѣжую сѣнь свою, — отрадная прохлада освѣжаетъ измученнаго странника и душистый воздухъ ласкаетъ его обоняніе. Незамѣтно уходятъ версты; вдали, какъ желтая лента, вѣется по лѣсу проходящая по Улевской площади, оставленная почтовая дорога, съ пустыми станціями и покосившимися верстами; тутъ исчезаетъ первобытная природа, видишь трудъ человека въ борьбѣ съ препятствіями, видишь взорванныя скалы, мосты переброшенные черезъ рытвины, и по вымощенному спуску достигаешь почти незамѣтно до Квирильскаго станціи; горная дорога, живописныя виды исчезли, — начинается плоская равнина, и ямская телега въ два часа доставляетъ васъ въ Симонеты, а оттуда рукой подать до Кутанса.

Барятинскаго, который был истиннымъ мнѣ помощникомъ, находился въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ боя, а въ особенности въ центрѣ, и руководилъ именно тою атакою, отъ которой много зависѣлъ исходъ боя; Начальника Пѣхоты, Генераль-Лейтенанта *Блявскаго*, находившагося на оконечности лѣваго нашего фланга; Начальника Кавалеріи, Генераль-Лейтенанта *Баюсуна*, который переносился съ одного фланга на другой, дабы направлять кавалерійскія атаки; Начальника Артиллеріи, Генераль-Лейтенанта *Бриммера*, который искуснымъ сосредоточеніемъ трехъ батарей на разстояніи 60-ти сажень отъ непріятели, былъ главнымъ виновникомъ отбитія непріятельской пѣхоты, встрѣтившей штыками нашу Кавказскую Гренадерскую бригаду; Командующаго этою бригадою, Генераль-Маіора *Кишинскаго*, который, бывъ раненъ сильно въ ногу, оставался во фронтѣ до тѣхъ поръ, пока непріятель не былъ опрокинутъ; Командира 2-й бригады 18-й Пѣхотной дивизіи, Генераль-Маіора *фонъ-Лейна* и Сводной Драгунской бригады, Генераль-Маіора *Графа Нирода*, служившихъ примѣромъ неустрашимости; Командировъ Драгунскихъ полковъ: Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича, Полковника *Куколевскаго*, и Наслѣднаго Принца Виртембергскаго, Генераль-Маіора *Князя Чавчавадзе*, изъ которыхъ первый раненъ, а послѣдній сильно контуженъ, и не смотря на то, оба оставались во фронтѣ до конца боя;—Командировъ полковъ: Драгунскаго Генераль-Фельдмаршала Князя Варшавскаго, Генераль-Маіора *Танутрова*; Гренадерскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича, Полковника Князя *Тарханъ-Моуравова*; Карабинернаго Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича, Полковника *Моллера*; Рязскаго Пѣхотнаго, Полковника *Галецкаго*; Тульскаго Егерскаго, Генераль-Маіора *Фетисова*, и Командующихъ: Блѣвскимъ Егерскимъ, Полковника *Ольшевскаго*; Сборнымъ Липѣйнымъ Казачьимъ, Полковника *Камкова*, и тремя сборными сотнями Липѣйныхъ казаковъ, Флигель-Адъютанта Его Императорскаго Величества, Полковника *Скобелева*; всѣ они были достойными предводителями вѣренныхъ имъ частей. Начальникъ Штаба Корпуса, Генеральнаго Штаба Полковникъ *Невпровскій*, будучи постоянно ближайшимъ моимъ помощникомъ, и въ предшествовавшихъ распоряженіяхъ къ бою, и въ самомъ бою былъ дѣятельнымъ мнѣ сотрудникомъ; Оберъ-Квартирмейстеръ Корпуса, Генеральнаго Штаба Полковникъ *Колодцевъ*, и Дежурный Штабъ-Офицеръ, Драгунскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича полка, Подполковникъ *Коваленскій*, передавали мои приказанія и направляли войска подъ убійственнымъ огнемъ. Не могу еще умолчать объ отличіи: Конно-Мусульманской бригады, подъ начальствомъ оставшаго Полковника *Князя Андроникова*, Дворянскихъ дружинъ Тифлискаго и Горійскаго уѣздовъ, подъ начальствомъ Уѣздныхъ Предводителей Дворянства: Князей: Поручика *Эристова* и Коллежскаго Секретаря *Баратова*, и двухъ сотенъ охотниковъ, подъ начальствомъ Полковника *Лорисъ-Меликова*.—Движимые преданностію къ Государю Императору и руководимые храбрыми своими предводителями, они показали себя доблестнымъ образомъ и взяли наибольшее число пленныхъ.

Донесеніе это, вмѣстѣ съ знаменами, штандартами и значками, я посылаю съ Адъютантомъ моимъ, Маіоромъ *Александровскимъ*, обратившимъ на себя особенное вниманіе въ бою 24-го Юля.

По полученнымъ тотчасъ свѣдѣніямъ отъ лазутчиковъ, непріятель прошедшую ночь поспѣшно отступилъ къ Карсу, бросивъ почти весь лагерь, который сего же числа утромъ уже и занялъ Полковникомъ *Лорисъ-Меликовымъ* съ сотнею охотниковъ и сформированною изъ Карапаховъ Шурагельскаго санджака милиціею. Тѣ же лазутчики

увѣряютъ, что изъ всего Карскаго Корпуса осталось подъ ружьемъ не болѣе 20 т. человекъ, остальные же разбѣжались; по свѣдѣнію это требуетъ еще подтвержденія.

Государь Императоръ, получивъ сіе донесеніе, Высочайше соизволилъ, въ ознаменованіе особеннаго Своего Монаршаго благоволенія къ Генераль-Лейтенанту *Князю Бебутову* за столь блистательную побѣду, пожаловать его Кавалеромъ ордена Св. Андрея Первозваннаго.

ШАМБОРСКАЯ БИТВА.

(Въ 1203 по Р. X.)

(Изъ записки академика Броссе, 1852.)

(Продолженіе).

Вельможамъ же слышавшимъ такова отъ устъ ея, и охрабравшись, и собравъ вси, и рекоша: «Дерзай, Госпожа, дерзай»; и повелѣ Динара собрати вой своя и поиде самодержательница и стезризави (18) утѣшивша Берскій монастырь Пречистыя ея Матери помолитися о дарованіи помощи, пѣша, не обувенными ногами по острому каменью и жестокому пути. И пришедъ во пречистый храмъ и паде предъ образомъ ея и рече: «Владычице Дѣво Госпоже Богородице, во твоемъ жребіи державствую по твоему преданію, еже ми еси предала своимъ милосердіемъ, отпа моего вопріала еси, мнѣ же власть немощной чади вручила еси надъ своимъ достояніемъ державствовать; но вижу, Госпожа, гордаго сего Персина надъющею на ся и уповающаго на множество воинства своего. Азъ же, Царица, надѣюся на тя и уповаю на милосердіе твое и помощи отъ тебе прошу; не дай, Госпожа, своего достоянія въ пограніе врагомъ своимъ, но стани въ помощь нашу, и возвыси надъющихъ насъ и не унижи уповающихъ на тя. Но, о Владычице, потщи на враги и ускори на помощь нашу, и даруй храбрство чади и сокруши враги своя, и покори подъ нозѣмъ вѣрующимъ въ тя. Аще, Госпожа, твоимъ пощещеніемъ и необходимымъ воеводствомъ Богомати, побѣду враги твоя, и вся намъ преданная тобою отъ Персикихъ сокровища, да не восприму на расхищеніе по дамъ, Госпожа, въ дома твоя на украшеніе церквамъ твоимъ, и на воспоминаніе твоія помощи и заступленія, еже показала еси милость во своемъ жребіи».

И изыде изъ церкви и сѣде на конь свой и рече ко всѣмъ во емъ своимъ: «Друзіи и братія, азъ главу свою напереді васъ положити хошу за достояніе Богомати и за свое благочестіе и за все православіе нашея державы. Аще ли вы также сотворите, Богъ да поспѣшитъ намъ и Пречистая Мати Ея да подастъ намъ помощь; аще лиже того не сотворите, Богъ да сокрушаетъ васъ и Пречистая Мати ея; да предасть васъ въ работу и въ расхищеніе яко Евреевъ.»

И поиде изъ своея державы во стрѣтеніе Персина, и приближися и съ полкомъ къ Перскимъ. И вземъ копіе и удари скоро на Перскіи полки, и возопи гласомъ великимъ во услышаніе обоимъ полкомъ: «Господа нашего Иисуса Христа сіюю, и пречистыя Ея Матері помощію бѣжать Перси. И удари Персина копіемъ и пронзе, и отъ гласа такового побѣгоша Персы; она же и вся вой ея съ нею погнаша ихъ, и изчезаху безъ милости, ятъ и Царя Перскаго, и отъятъ главу его Динара, и вонзе на копье свое и несе ю во градъ Тевризъ Перскій, и прія градъ и пѣши. И взя вся сокровища преднихъ царей и каменіе многоцѣнное, и блюдо лалное, на немъ же Навуходоносоръ царь ядше, и бисеру, драгаго злата же многое множество; и възложи дань на Тевризъ на свою потребу, на милости драгія, а Шамахъ повелѣ свои конскія подковы имати, а прочіи гради раздаде вельможамъ своимъ.

И возвратись въ землю свою, показавъ славную побѣ-

(18) Чит. изъ Тифлиса.

ду Богоматерію непобѣдимою побѣдительною враги гордыне. Побѣди тако бо пречистая, дарова помощь немощной чади, и таковоже храбрство показа женскимъ ополченіемъ. И отъ такового гласа дѣвицы, толико дѣвицы Персикихъ вой устращися и таковоымъ дѣвице, предъшею копіемъ смути, и таковою кротостію дѣвицею отъ страха Перси омертвѣша, и таково же дерзновеніе дѣвице дарова въ чужду же страну и такову державу немощной чади вручивъ, таково разумъ дарова, отъ Богомати. И пришедъ Динара во свою страну, и предана ей Богоматерію сокровища Царская обещаніе свое исполни, блюдо лалное и каменіе драгое, бисеръ и злато и вся царскіе потребности, еже взять отъ Персъ, раздаде во дома Божія по своей области, и не прикоснуса ни ко единому отъ царскихъ сокровищъ, на воспоминаніе Богоматери, еже дарова таковою помощь. И нача держати властодержавство свое тихо, и нематежно и съ Персъ имаше дань. И до преставленія своего, и никтже не смѣяше дерзнути нанъ (19) отъ окрестныхъ ея странъ, и доидеть Пречистыя заступленіемъ пребываютъ и никимъ же обладаемъ; и правя власть тридесять и осемъ лѣтъ и шесть мѣсяцъ и предасть власть сродникомъ своимъ по преставленіи своемъ, и погребена бысть въ Шарбенскомъ монастырь. Даже доднесъ раздѣлено державство Перское (20) пребываетъ, а нарицается отъ рода Давида царя Еврейскаго, отъ царскаго колѣна (21).»

«Александръ-Мелехъ (22) самодержецъ Иверіи, не оставилъ послѣ себя ни одного сына, а только одну дочь, 15 лѣтъ отъ роду, исполненную смѣтливости и твердости характера, но не рѣшавшуюся ни съ кѣмъ соединиться бракомъ (23). Ея отецъ передалъ ей свою власть и всѣ свои царственныя права, и она обнаружила благоразуміе свое тѣмъ, что начала управлять страню въ духѣ своихъ предковъ. Еще при жизни Александра-Мелеха, царя Иверіи, начала она выказывать свое уваженіе къ его вельможамъ, свое нѣжное попеченіе о народѣ, и всего болѣе, особенное прилежаніе къ чтенію рукописей, содержавшихъ въ себѣ рассказы о древнихъ царяхъ и единодержцахъ, о ихъ образѣ управленія и о происшествіяхъ ихъ жизни. Вслѣдствіе такихъ занятій Динара свылклась съ подвигами воинскаго мужества. Подобно тому, какъ пчела собираетъ мѣдъ съ цвѣтовъ, Динара изъ книгъ историческихъ приобрѣтала себѣ полезныя свѣдѣнія. Она управляла страню съ большою мудростію и попечительностію; уподобляясь хорошему кормчему, заботящемуся безопасно вести свой корабль чрезъ морекія пучины, эта монархиня думала только объ одномъ мирѣ.

(Оконч. въ слѣд. №.)

(19) Значитъ: на нов.

(20) Чит. Иверсков.

(21) Съ подлиннымъ опрно; поспрѣвъ Разничій и Библиотечаръ, Герол. Авраамій.

(22) Принимая въ основу то убѣжденіе, что царица Динара не кто иная, какъ знаменитая Тамара Грузинъ, утверждаю, что ея отецъ именовался не Александромъ, а Георгіемъ III (Georgi III), котораго она была, действительно, единственною дочерью, присоединившею къ отцу для управленія краемъ, до его кончины, послѣдовавшей въ 1184 году, какъ я это уже достаточно ясно описалъ въ Исторіи Грузіи и въ прибавленіяхъ XVI и XVII. Не извѣстно, какихъ именно она была лѣтъ отъ роду въ эпоху ея воецаренія.

(23) Исторія не говоритъ ничего о томъ, наложила-ли на себя царица обѣтъ безбрачія, или нѣтъ? Но изъ повѣствованій ея замѣтно, что она долго не рѣшалась выйти за мужъ за Георгія, сына Андрея Боголюбскаго. Ист. Груз. стран. 411 и слѣдующ., и прибавл. XVII, стран. 288 и слѣдующія.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

тарантасъ

продается въ домѣ маіора Гаврилова, на Водовозной улицѣ.

ПРИБЪХАЛИ: августа 21-го: изъ Александрополя подполковникъ князь *Мухранскій*, изъ С. Петербурга коллежскій ассесоръ князь *Чавчавадзе*, изъ С. Петербурга надворный совѣтникъ *Вольфрамъ*. 22-го: изъ ур. Храма полковникъ *Грековъ*, изъ Александрополя подполковникъ *Бекенъ*.

ВЫБЪХАЛИ: августа 21-го: въ Горію генераль-маіоръ князь *Мухранскій*, въ Шушу полковникъ *Лашневичъ*.

Метеорологическія наблюденія.

Мѣсяцъ и числа по старому стилю.	Часы.	Термометръ Р°		Сирость воздуха	Барометръ при 13 1/2 Р°. Русс. полуин.	Направленія вѣтра.	состояніе неба.	Темпер. Реом.	
		Сухой.	Смоч.					Наим.	Наиб.
20-го Августа.	7 утра.	+ 12,6	+ 9,9	0,69	569,31	С. оч. сильн.	Обл. разс.	+ 11,6	+ 21,4
	1 попол.	+ 20,8	+ 12,2	0,29	568,25	СЗ. — —	Обл. на горизон.		
	9 вечер.	+ 13,8	+ 10,4	0,61	570,96	— — —	Обл. разс.		
21-го Августа.	7 утра.	+ 13,2	+ 9,7	0,59	572,58	СЗ. оч. сильн.	Обл. мѣстн.	÷ 11,5	+ 18,9
	1 попол.	+ 18,6	+ 12,0	0,39	572,49	— — —	Обл. на гориз.		
	9 вечер.	+ 14,2	+ 11,0	0,64	573,92	— сильн.	Обл. на гориз.		
22-го Августа.	7 утра.	+ 12,7	+ 10,6	0,75	574,40	СЗ. слаб.	Обл. разс.	+ 10,2	+ 22,4
	1 попол.	20,8	+ 14,8	0,48	572,98	ЮВ. — —	Обл. мѣстн.		
	9 вечер.	16,2	+ 13,2	0,68	572,62	ЮВ. оч. слаб.	Обл. разс.		
23-го Августа.	7 утра.	+ 14,0	+ 13,1	0,89	572,63	С. оч. слаб.	Пасмурно.	+ 12,7	+ 17,2
	1 попол.	+ 17,7	+ 13,9	0,91	572,97	Тихо.	Пасмур. накр. л.		
	9 вечер.	+ 14,9	+ 11,7	0,65	572,11	СЗ. сильн.	Обл. мѣстн.		

ПЕЧАТАТЪ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 66 ГАЗЕТЫ КАВКАЗЪ.

1854.

ДЕШЕНА, АДРЕСОВАННАЯ НА ИМЯ КНЯЗЯ ЛИБЕНА, РУССКАГО ПОСЛА ПРИ ДВОРѢ Е. В. КОРОЛЯ ВЕЛИКОБРИТАНСКАГО.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 21 января 1850 г.

Ваша свѣтлость!

Посолье е. в. короля великобританскаго получило предписание сообщить мнѣ деширу лорда Абердина, въ которой излагается мнѣніе лондонскаго кабинета на счетъ главныхъ постановленій адрианопольскаго трактата.

Англійскіе министры не почли нужнымъ сообщить этотъ документъ ни вашей свѣтлости, ни графу Матусевичу, предполагая, что уполномоченные Его Императорскаго Величества не получили необходимыхъ инструкцій для обсужденія критическихъ замчаній, которыя лондонскій кабинетъ желалъ довести до нашего свѣдѣнія.

Ваша свѣтлость, конечно, оценитъ причины такой осторожности. Я однако принужденъ найтись сообщить вамъ коію и переводъ деширы главнаго государственнаго секретаря, и присовокупить къ ней некоторыя поясненія, чтобы выставить въ истинномъ свѣтѣ политику Государя Императора.

Желаніе исполнить обязанности, сопряженныя съ высокими положеніемъ, занимаемымъ е. в. королемъ великобританіи въ ряду европейскихъ государей, навреде водворитъ совершенную искренность въ сношеніяхъ Великобританіи съ Россіей, побудилъ англійское правительство сообщить намъ свое сужденіе о трактатѣ, заключенномъ нами съ Портой Оттоманской.

Тоже намѣреніе вызываетъ и насъ на отвѣтъ. Мы не можемъ не обѣщаться по поводу обвѣстной, которая была бы важна, если бы были основательны; мы не можемъ не платить откровенностью за откровенность и не развить причинъ, которыя никогда не позволяютъ намъ считать справедливыми дѣлаемые намъ упреки.

Чтобы передать ихъ въ полной силѣ, мы приведемъ здѣсь буквально мѣста изъ деширы лорда Абердина, гдѣ онъ выражаетъ мнѣнія, которыхъ мы не можемъ раздѣлять.

1) «Между тѣмъ достойнымъ предметомъ заботливости Его Императорскаго Величества будетъ укрѣпленіе довѣрія Его союзниковъ».

(Къ 1.) Императоръ всегда будетъ питать живѣйшее желаніе укрѣпить довѣріе своихъ союзниковъ, и со времени подписанія адрианопольскаго трактата, онъ имѣлъ удовольствіе получить отъ короля французскаго и прусскаго и даже отъ австрійскаго императора формальное увѣреніе въ томъ, что это довѣріе, въ полной мѣрѣ оправдываемое означеннымъ трактатомъ, увеличивается съ каждымъ днемъ.

2) «Устранять поводы къ опасеніямъ, которые если и не открываются въ самомъ трактатѣ, не могутъ однако не возникнуть изъ измѣнчиваго положенія Оттоманской Имперіи».

(Къ 2.) Нынешнее положеніе Оттоманской Имперіи происходитъ отъ погрѣшностей, сдѣланныхъ Портою. Государь Императоръ, конечно, не можетъ отвѣчать за нихъ. Мы не видимъ также, по какому праву стали бы упрекать Россію въ «поводахъ къ опасеніямъ, которые не открываются въ адрианопольскомъ трактатѣ» и какимъ образомъ можно требовать, чтобы она оставила дѣйствіе ихъ. Это можетъ сдѣлать одно только турецкое правительство. Если оно будетъ мудрымъ, умереннымъ, вѣрнымъ своимъ обязательствамъ, то политика его ослабитъ поводы къ увѣреніямъ, о которыхъ идетъ рѣчь. Но при насильи и воинственномъ направленіи оно не преминетъ развить ихъ еще болѣе.

3) «Когда Его Императорское Величество возвысится о намереніи своемъ объявить Портѣ Оттоманской войну, но притѣмъ, исключительно касавшіяся интересовъ Россіи, англійское правительство, не выражая никакого мнѣнія на счетъ справедливости этой войны, извѣстило увѣреніе въ томъ, что самый полный успѣхъ, въ самомъ правомъ дѣлѣ, не уполномочиваетъ побѣдителей требовать отъ противной стороны жертвований, которыя бы нанесли ущербъ ея политическому существованію, или нарушили положеніе поземельныхъ владѣній, на которомъ основанъ общій миръ. Оно замѣтило также, что требованія объ удовлетвореніи и вознагражденіи могутъ быть доведены до столь высокой степени, что Порта съ трудомъ будетъ въ состояніи удовлетворить имъ, не дойдя до такой слабости, которая отнимаетъ у нея характеръ независимаго государства».

«Приходя въ исполненіе угрозы вторженія въ оттоманскія провинціи, Его Императорское Величество объявилъ, что не намерѣнъ отречься отъ началъ безкорыстія, которыми зачатѣльнѣе санктпетербургскій протоколъ и лондонскій трактатъ. Онъ отказался отъ всякаго проекта завоеванія и честолюбія. Его Императорское Величество объявлялъ неоднократно, что не только не желаетъ разрушенія Турецкой Имперіи, но заботится о ея сохраненіи. Онъ обещалъ, что вознагражденія, которыя могутъ быть потребованы, не дойдутъ до того, чтобы могли нарушить политическое существованіе этого государства, и объявилъ, что эта политика не составляетъ результатовъ романческаго великодушія или суетнаго желанія славы, а основана на истинныхъ интересахъ Россіи, и что эти интересы, здраво понимаемые, равно какъ и эти торжественныя обещанія послужатъ наилучшимъ ручательствомъ за Его увѣренность».

«Его Императорское Величество присовокупилъ, что Его чувства не измѣнились бы и тогда, когда бы, вопреки Его намереніямъ и усиліямъ, Всевѣдное Провидѣніе судило намъ быть свидѣтелями паденія Оттоманской Имперіи. И въ этомъ случаѣ Его Императорское Величество рѣшился не распространять предѣловъ своихъ владѣній и требовать отъ своихъ союзниковъ только такого же отреченія отъ всякихъ честолюбивыхъ и корыстныхъ вдовъ, первый примѣръ котораго Онъ самъ намѣренъ подать».

(Къ 3.) Мы сдвигаемъ нѣсколько замчаній на эти мысли, хотя точность ихъ не подвержена ни малѣйшему сомнѣнію.

Памѣ кажется во-первыхъ, что Англія не можетъ распространить на Азію примѣненія начала, запрещающаго державѣ измѣнить пріобрѣтеніемъ земель положеніе владѣній, на которомъ основывается общій миръ. Когда общій миръ былъ возстановленъ въ 1814 году, Англія стоила же мало владѣла землями въ Пеналь, завоеванными своими у Пандарріицевъ и Мараттовъ, или бирманскими провинціями, какъ мы владѣли Эриваномъ, Ахалыкомъ или Анапой. И такъ она нарушила бы означенное начало всеми пріобрѣтеніями, сдѣланными ею въ Индіи съ 1814 года, и мы вмѣстѣ съ англійскимъ правительствомъ были бы вынуждены обратиться другъ къ другу со взаимными протестами относительно результатовъ войнъ нашихъ въ Азіи. Но такихъ протестовъ не было, потому что они были бы лишены основанія, и именно потому, что они были бы такими и теперь, мы въ послѣднихъ сдѣлкахъ нашихъ съ Портой согласились оставить за собою нѣсколько азіатскихъ городовъ, чтобы уменьшить сумму сдѣловавшаго намъ вознагражденія за издержки войны.

Мы докажемъ ниже, что самое это вознагражденіе, въ томъ видѣ, въ какомъ оно определено адрианопольскимъ трактатомъ, не заключаетъ въ себѣ ничего преувеличеннаго, ничего нарушающаго политическое существованіе Турціи. Покуда ограничимся тѣмъ, что напомнимъ предостереженія, сдѣланныя нами до заключенія трактата 6-го іюля. Прежде чѣмъ приступить къ переговорамъ, плодомъ которыхъ былъ этотъ трактатъ, мы почли нужнымъ замѣтить англійскому правительству, что, по нашему мнѣнію, знаніе и исполненіе такого акта измѣнили бы расположеніе турецкаго правительства къ Россіи и заставили бы его нарушить агерманскую конвенцію; что нарушеніе этого трактата нанесло бы ущербъ драгоцѣннѣйшимъ нашимъ интересамъ; что мы были бы вынуждены поддерживать ихъ, и такимъ образомъ, однажды вмѣшавшись въ греческій вопросъ, мы бы уже не могли отступать ни на шагъ, и вѣроятно, не могли бы не поднять оружія. Еще въ ноябрѣ же мѣсяцѣ 1827 года Порта, съ прискорбною точностью оправдала эти предсказанія, доказательства которыхъ существуютъ въ архивахъ лондонскаго кабинета. Мѣсяцъ спустя, въ декабрѣ 1827 года, Императорское Министерство изложило въ одной изъ своихъ деширъ объявленіе, о которомъ говоритъ лордъ Абердинъ, объявленіе, въ которомъ сказано было, что начала, осязанныя трактатомъ 6-го іюля, одни будутъ управлять политикой Государя Императора, и что если намъ суждено видѣть послѣдній день Оттоманской Имперіи, то мысли Его Величества относительно расширенія предѣловъ Россіи останутся тѣми же самыми. Но *во-первыхъ* это объявленіе касалось только одного исполненія трактата 6 іюля. *Во-вторыхъ* оно относилось только къ возможнымъ послѣдствіямъ *пришудительныхъ мѣръ*, которыя мы приглашали нашихъ союзниковъ принять *вмѣстѣ съ нами*, для достиженія *немедленнаго* исполненія этого акта. *Въ-третьихъ*, ему предшествовало объясненіе частнаго положенія, въ которомъ находилась послѣ этого Россія, вѣдѣтвіе нарушенія агерманскаго трактата, которое мы предвидѣли, и въ этомъ объясненіи открыто дано знаніе, что ни въ какомъ случаѣ Государь Императоръ не допуститъ продленія подобнаго положенія дѣлъ. Между-тѣмъ, такъ какъ мѣры, которыя были бы приняты по нашей просьбѣ для исполненія акта 6-го іюля, должны были также положить конецъ этому несправедливому положенію, то естественно, что, требуя содѣйствія нашихъ союзниковъ, и соединяя съ нимъ скорѣе прекращеніе такого положенія дѣлъ, налагающаго на насъ большія жертвы, мы готовы были устранить всякую мысль о какихъ-либо особахъ вознагражденіяхъ. Мы нашли бы эти вознагражденія въ согласіи нашимъ съ Великобританіей и въ полной безопасности, которую оно обеспечило бы намъ.

Но когда наши союзники предупредили насъ, что не могутъ следовать по тому пути, на который мы указали, когда они своимъ молчаніемъ насчетъ важныхъ неудобствъ нашего положенія дали намъ понять, что мы одни должны заботиться о средствахъ выйти изъ него, когда наконецъ Порта не стала болѣе полагать предѣловъ своимъ несправедливымъ поступкамъ и война сдѣлалась неизбежною, то наши дѣлараніи перестали уже быть столь открытыми. Первоначальный интересъ продолжать, правда, запрещать намъ завоеванія; мы сохранили также желаніе не извергать Оттоманской Имперіи (а мы, конечно, доказали вѣдѣтвѣннѣе, что это желаніе было искренно, что свидѣтельствуется и прилагаемое письмо, адресованное на имя фельдмаршала графа Дибича-Забалканскаго посланіи англійскимъ и французскимъ въ Константинополь). Но мы были вынуждены постановить необходимыя условія для упроченія удовлетворенія за наши потери и уваженія правъ нашихъ въ Левантѣ, правъ, за которыя въ-теченіе полувѣка лилась русская кровь. Отсюда въ манифестѣ нашемъ отъ 14 апреля 1828 простое утверженіе, что «Россія далека отъ мысли питать честолюбивыя замыслы». Отсюда военное вознагражденіе и публичное предостереженіе *не принуждать насъ* «придавать военнымъ операціямъ размыры, или энергію, которые могли подвергнуть опасности судьбы Оттоманской Имперіи»; *не принуждать насъ* «увеличи-

вать вознагражденія въ прямомъ отношеніи къ жертвамъ, которыя имъ предшествовали».

Это предостереженіе осталось безъ всякаго дѣйствія. Порта *принудила* Россію подвергнуть опасности судьбы Оттоманской Имперіи. Она отвергала переговоры до того часа, когда по сознанию посольствъ Англіи и Франціи, едва только существовала возможность. Вознагражденія возрасли, какъ мы говорили, по мѣрѣ продленія дорого стоящей войны. Но Оттоманская Имперія не перестала существовать. Паденіе ея зависѣло только отъ одного лишняго перехода нашей арміи; мы остановились. Она лишилась трехъ четвертей владѣній своихъ въ Европѣ; она получаетъ ихъ сполна. Большая часть Малой Азіи была занята нашими войсками; но возвращается ей за исключеніемъ нѣсколькихъ мѣстъ, содѣйствующимъ только безопасности нашихъ прежнихъ земель. Она предлагала (это неизвѣстно лондонскому кабинету) уступить намъ Молдавію; мы отказались. Мы въ-теченіе десяти лѣтъ могли занимать дѣль изъ провинцій, и добровольно отъ этого отреклись. Вотъ факты, на свидѣтельство которыхъ мы ссылаемся, чтобы доказать, исполнили ли мы наше обещаніе не доводить этой имперіи до разоренія и отступили ли мы отъ начала, заставляющаго насъ считать существованіе ея полезнымъ, лишь бы только она соблюдала договоры свои съ Россіей.

4) «Ставить ли Порту адрианопольскій трактатъ въ такое же положеніе съ этимъ увѣреніемъ? Пусть отвѣчаетъ на это Европа. Дѣло санктпетербургскаго кабинета обсуждать это безпристрастно».

(Къ 4.) Мы только-что привели и разсмотрѣли наши увѣренія. Намъ кажется доказаннымъ, что наши рѣшенія совершенно имъ соотвѣтствовали.

5) «Когда мы просто взираемъ на относительное положеніе двухъ воюющихъ державъ, то не можемъ отвергать того, что успѣхъ оружія могъ бы позволить Императору предписать еще болѣе тяжкія условія. Султанъ, которому угрожалъ страшный мѣждъ въ Константинополь, который лишился своей арміи и распустилъ остатки своихъ азіатскихъ войскъ, былъ уже не въ состояніи оказывать какое нибудь дѣйствительное сопротивленіе и отдался на волю русскаго генерала».

(Къ 5.) Картина, начертанная въ этомъ отрывкѣ, окончательно доказываетъ, что Оттоманская Имперія обязана своимъ существованіемъ единственно умеренности Государя Императора.

6) «Совѣтъ посольствъ англійскаго и французскаго и чрезвычайнаго посланника короля прусскаго побудили побѣдителя монарха возложить все довѣріе свое на умеренность Его Императорскаго Величества».

(Къ 6.) Давая Портѣ этотъ совѣтъ,—и мы конечно вполне сознаемъ, что онъ одинъ могъ охранить Оттоманскую Имперію отъ самой ужасной катастрофы при тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ она тогда находилась,—послы англійскій и французскій не могли унесть изъ виду условій, означенныхъ въ общихъ выраженіяхъ въ нашемъ объявленіи войны. А эти условія давали знать міру, что мы будемъ требовать возрастающаго удовлетворенія, по мѣрѣ продленія нашей борьбы, свободнаго судоходства по Босфору и обеспеченія свѣтлаго соблагоустроенія нашихъ триктатовъ на будущее время. Эти самыя условія постановляли, сдѣловательно, заранѣе начало, систему и основанія адрианопольскаго трактата. Эти условія, о которыхъ мы говоримъ, только и должны были напомнить г. фон-Мюфлингу, по приказанію своего Двора. Онъ не былъ уполномоченъ говорить въ другомъ смыслѣ.

7) «Однако означенный трактатъ, далеко не отвѣчая ожиданіямъ, возбужденнымъ предшествовавшими декларациями и увѣреніями, повидному, существующимъ образомъ нарушаетъ интересы, силу, достоинство, настоящую безопасность и будущую независимость Оттоманской Имперіи».

«Способы владычества могутъ быть различны, и при всемъ томъ имъ одинаково не возможно противостоятъ. Независимость государства можетъ быть уничтожена, оно можетъ быть дѣйствительнымъ образомъ покорено, безъ приустьвляя несправедливой связи, безъ постояннаго занятія его земли. Поземельныя пріобрѣтенія, сдѣланныя Россіей въ силу адрианопольскаго трактата, должно сознаться, незначительны относительно занимаемаго ими пространства, но имѣютъ самое высокое значеніе по своему характеру. Это господствующія позиціи, гораздо болѣе драгоцѣнныя, чѣмъ владѣнія безлюдными провинціями или нѣсколькими опустѣлыми городами, и рассчитанныя на то, чтобы скрывать цѣны, связывающія султана».

«Уступка провинцій въ Азіи съ соседними округами, не стоишь обезпечивать за Россіей непрерывное занятіе восточнаго берега Чернаго Моря, но придаетъ ей столь господствующее положеніе, что она можетъ отнынѣ по своему усмотрѣнію, въѣтъ надзоръ за судьбами Малой Азіи. Значительно подвинувшись впередъ въ самое сердце Арменіи, среди христіанскаго населенія, Россія держитъ въ рукахъ ключи и перспективныя и турецкія провинціи; захочетъ ли она распространить свои завоеванія на востокъ или обратитъ свои виды на западъ, къ Тегерану или къ Константинополю, успѣхамъ ея не противится болѣе никакое дѣйствительное препятствіе».

(Къ 7.) Чтобы видѣть, дѣйствительно ли адрианопольскій трактатъ нарушаетъ интересы, достоинство, настоящую безопасность и будущую независимость Оттоманской Имперіи, мы будемъ слѣдить за государственными секретаремъ его величества короля великобританскаго въ производимомъ имъ разсмотрѣніи различныхъ постановленій этого акта.

По нашему мнѣнію, одного взгляда на карту достаточно для того, чтобы доказать, что въ числѣ мѣстъ, уступленныхъ намъ въ Азіи, нѣтъ ни одного, которое бы можно было назвать значительнымъ.

Главнѣйшія, на которыя намекаетъ лордъ Абердинъ, сунъ Ахалыкъ, Анапа и Поты.

Поты—небольшое укрѣпленіе, расположенное близъ

устья Фаза, препятствовавшее только судоходству по нему и окруженное со всех сторон нашими владениями. Это мѣстечко столь невелико и слабо, что не имѣетъ никакого политическаго или военнаго значенія. Мы сохранили его съ единственною цѣлью открыть для торговли Фазъ, все теченіе котораго принадлежитъ намъ. Владѣніе Поти не можетъ имѣть другихъ результатовъ.

Анапа возмущается въ виду Крыма, у северной оконечности Чернаго Моря. Поэтому трудно, кажется, считать положеніе ея угрожающимъ для имперіи султана. Но за то весьма известно, что изъ Анапы Турки не переставали нарушать спокойствіе нашихъ пограничныхъ провинцій; изъ Анапы они продолжали торгъ невольниками, вопреки всемъ постановленіямъ нашихъ трактатовъ, запрещавшимъ эту гнусную торговлю. Изъ Анапы, вопреки другимъ условіямъ, налагаемымъ на нихъ обязанностию содѣйствовать сохраненію мира на Кубани, они не переставали возбуждать противъ насъ дикія соседнія племена, поощряли ихъ набѣги на наши земли, доставляли имъ порохъ, ружья, пушки, и возмѣнили даже мысль придать въ некоторую правильность ихъ вооруженіямъ. Изъ Анапы, однимъ словомъ, они возбуждали безпорядки до самой Грузіи и, среди мира, вели съ нами войну, безпрестанно возраждавшую, дѣйствительность которой слишкомъ хорошо можетъ засвидѣтельствовать весь югъ Россіи.

И такъ Россія завладѣла не наступательнымъ въ отношеніи къ Оттоманской Имперіи пунктомъ, напротивъ того, удержавъ Анапу, она заботилась о своей собственной безопасности. На это она имѣла безспорное право.

Но, скажутъ намъ, нельзя сказать того же объ Ахалцыхъ. Завладѣніе этимъ пунктомъ оправдываетъ опасенія, выраженныя англійскимъ правительствомъ. И здѣсь мы также сошлемся на карту.

Мѣсто, о которомъ идетъ рѣчь, находится, въ отношеніи къ намъ, по сѣю сторону Таврскихъ Горъ, гораздо-болѣе высокихъ, чѣмъ Балканы и доступныхъ съ гораздо-большимъ трудомъ. Всякая русская армія, которая выйдетъ изъ Ахалцыха, должна перейти чрезъ эту цѣпь горъ, образующую настоящій оплотъ Малой Азіи. А на основаніи адрианопольскаго трактата, эта самая цѣпь горъ, ихъ дефиле и проходившія чрезъ нихъ дороги остались во власти Турокъ. Ахалцыхъ также незначительный пунктъ, это не наступательная позиція. Если мы сохраняемъ эту крѣпость, то сохраняемъ подобно Анапѣ, въ справедливыхъ видахъ нашей безопасности. Дѣйствительно, она находится на нашей границѣ и отдалена только на 80 англійскихъ миль отъ города Тифлиса, гдѣ сосредоточивается главное управленіе всеми нашими кавказскими провинціями. Следовательно она угрожала намъ въ самомъ сердцѣ нашихъ владѣній и средствъ, особенно въ случаѣ войны съ Персіей. Въ то время, какъ эта война будетъ занимать наше вниманіе, въ то время, какъ наша армія будетъ сражаться вдалекѣ, турецкій корпусъ, выстунившій изъ Ахалцыха по приказанію султана или по волю одного какого-либо пашы, могъ съ на другой день подступить къ Тифлису, ничѣмъ не защищенному, и подвергнуть Грузію очевидной опасности. Должны ли мы были думать, что эта опасность ускользнетъ отъ зоркости нашихъ враговъ, и что въ данномъ случаѣ, хотя бы даже султанъ и не воспользовался своимъ положеніемъ, ахалцыхскій паша останется недоступнымъ общаціямъ и прояскамъ Персіевъ? Должны ли мы были наконецъ остаться въ этомъ положеніи и не извлекать выгодъ изъ нашихъ усѣховъ, не для упроченія за нами положительныхъ преимуществъ, а для устраненія важныхъ неудобствъ, не для того, чтобы приготовить себѣ средства къ атакамъ, а для того, чтобы нести о своей безопасности, имѣя въ виду не *открыть себѣ дорогу* въ Тегеранъ и Константинополь, а предупредить слишкомъ легкое вторженіе въ одну изъ столицъ нашихъ провинцій?

Мы не расподгаемъ судьбою Малой Азіи, потому что оставили ей настоящій ея оплотъ. Мы не подпадаемъ въ центръ Арменіи и христіанскихъ населеній этихъ странъ, потому что Ахалцыхъ на нашей границѣ. Мы не владѣемъ ключами турецкихъ и персидскихъ земель, потому что въ рукахъ нашихъ остаются теперь одни только ключи къ нашимъ владѣніямъ. Наконецъ мы не замыслили завоеваній, потому что трактатъ 2 (14) сентября доставляетъ намъ средства къ оборонѣ, а не къ нападенію.

8) Въ Европѣ, Княжества Валахія и Молдавія сдѣлались фактически независимыми отъ Порты.

(Къ 8). Княжества Валахія и Молдавія столь же мало независимы теперь, какъ до войны. Во всехъ капитуляціяхъ, дарованныхъ этимъ странамъ, почти пять вѣковъ назадъ, во всехъ трактатахъ, предшествовавшихъ адрианопольскому, во всехъ гатти-шерифахъ, сама Порты не переставала признавать совершенную независимость княжествъ въ отношеніи къ внутреннему ихъ управленію. Что же касается ихъ политической независимости, то въ адрианопольскомъ трактатѣ она не только не провозглашена или утверждена, но въ немъ именно объявлено (ст. V), что Молдавія и Валахія остаются подъ верховнымъ владѣтельствомъ (suzaineté) Порты. Въ этомъ отношеніи ничего не измѣнилось.

9) Они должны, правда, платить дань султану, который не будетъ имѣть никакого принудительнаго средства къ извѣщенію самъ, иначе, какъ съ разрѣшенія и даже при содѣйствіи самой Россіи.

(Къ 9). Капитуляціи, трактаты и гатти-шерифы, которые мы напомнимъ, запрещаютъ всякому вооруженному мусульману переступать границы обихъ княжествъ. И такъ Порты сама и нѣсколько вѣковъ назадъ, отказалась отъ употребленія вооруженной силы для побужденія къ правильной уплатѣ дани.

10) Князь, назначенный на всю жизнь, будетъ требовать утвержденія его въ знаніи (investiture), въ которой нельзя ему отказать.

(Къ 10). На основаніи преимуществъ, упроченныхъ за Валахіей съ вѣковъ Магомета II и рас-

пространенныхъ впоследствии на Молдавію, во время добровольнаго подчиненія ея ленному владѣтельству султановъ, воеводы и господа обихъ этихъ провинцій по закону свободно выбирались на всю жизнь собраніемъ бояръ или дворянъ, и немедленно после ихъ избранія были утверждаемы султаномъ. Въ 1716 году, Порты, въ явное нарушеніе этихъ преимуществъ, присвоила себѣ право возводить въ званіе господарей фанарійскихъ Грековъ. Въ 1825 году, послѣ переговоровъ съ однимъ англійскимъ посломъ, она рѣшила возвратитъ господарство болгарамъ молдавскимъ и валахскимъ. Въ адрианопольскомъ трактатѣ постановлено, что этимъ стариннымъ правомъ будутъ пользоваться, какъ слѣдуетъ, на основаніи конвенцій, изъ которыхъ оно проистекаетъ. Но адрианопольскій трактатъ не только не распространилъ его и не освободилъ господарей отъ вассальской подчиненности, но даже предвидѣлъ случай, въ которомъ Порты можетъ потребовать ихъ отрѣшенія отъ должности, хотя они и должны быть избираемы на всю жизнь.

11) Мусульманскіе жители будутъ насильственно изгнаны изъ этой земли.

(Къ 11). Вѣдѣствіе формальныхъ и постоянно возобновляемыхъ гатти-шерифовъ, никакой мусульманинъ не получилъ разрѣшенія поселиться въ княжествахъ, или даже прѣзирать туда по торговымъ дѣламъ, иначе, какъ на опредѣленное время и по особому фирману. И такъ ни въ Молдавіи, ни въ Валахіи не могло быть магометанскаго населенія, и это населеніе не было изгнано. Тамъ существовали только турецкіе гарнизоны въ крѣпостяхъ, расположенныхъ на лѣвомъ берегу Дуная и ихъ округахъ. Но эти крѣпости были выстроены, гарнизоны введены и окрестности заняты только вѣдѣствіе очевиднаго самоуправства, явнаго нарушенія преимуществъ, запрещавшаго всякому вооруженному мусульману переступать чрезъ предѣлы княжествъ. Мы возстановили теперь справедливое согласіе между правомъ и фактомъ.

12) Старинное право преимущественной покупки отъ насъ и необходимая поставка для города Константинополя, для турецкихъ арсеналовъ и крѣпостей совершенно устранены.

(Къ 12). Старинное право преимущественной покупки, о которомъ идетъ рѣчь, подало поводъ къ вопиющимъ злоупотребленіямъ, отъ которыхъ Порты вовсе не получала выгодъ. Она доставляла купцамъ-коммисіонерамъ своимъ деньги, въ которыхъ они нуждались, для покупки хлѣбныхъ припасовъ, лѣсу и овцѣ, которые она получала изъ княжествъ. Но коммисіонеры Порты и дунайскіе пашы, господа и самые бояре, снѣжили раздѣлить между собою эти деньги и лишали ихъ промышленное сословіе земледѣльцевъ и мелкихъ владѣльцевъ, всегда терпѣвшихъ дурное обращеніе и вынужденныхъ безъ вознагражденія выдавать предметы, которые они будто бы продавали. Таковъ былъ порядокъ вещей, который мы прекращаемъ. Тщетно Порты старалась исправитъ его въ 1802 году однимъ изъ своихъ гатти-шерифовъ. Тщетно согласилась она съ нами на счетъ всехъ постановленій. Тщетно и мы дополнили ихъ въ послѣдующихъ нашихъ переговорахъ. Тѣ же безпорядки продолжались. Чтобы положить имъ конецъ, необходимо было принять настояшее устройство. Въ замѣнъ права преимущественной покупки, Порты получить сумму денегъ. Но она можетъ совершать *тѣ же* покупки въ княжествахъ, потому что княжества почтутъ за счастье выйти сбытъ для продуктовъ, которыми изобилуютъ. Она можетъ, кромѣ того, приобретать *по тѣмъ же цѣнамъ* предметы, въ которыхъ будетъ нуждаться, потому что, на основаніи старинныхъ уставовъ, предметы должны быть оцѣнены и за нихъ производится уплата не иначе, какъ по справочнымъ цѣнамъ. Она можетъ наконецъ *точно также* выписывать ихъ въ Константинополь или дунайскія крѣпости, потому что всегда запрещала принудительную перевозку и наряды на работы. Но ея деньги, вмѣсто того, чтобы быть отвлекаемыми отъ своего назначенія, поступаютъ въ руки продавцевъ. Вотъ и вся разниа. Такова ли она, что могла бы затруднить продовольствіе Константинополя, турецкихъ крѣпостей и арсеналовъ?

13) Важнѣйшія крѣпости на Дунаѣ должны быть срыты и самая граница останется открытою и безъ защиты противъ вторженія, которое когда-нибудь можетъ быть произведено.

(Къ 13). Мы въ первый разъ слышимъ, что крѣпости на лѣвомъ берегу Дуная, которыя будутъ разрушены въ силу адрианопольскаго трактата, называютъ самыми важными. Во время двухъ послѣднихъ кампаній, не почли даже нужнымъ осаждать одну изъ нихъ, Журжу, а другая, Турново, взята безъ осады. Кромѣ того, какъ мы заметили выше, все крѣпости лѣваго берега Дуная построены на земляхъ, которыя присвоила себѣ Порты, и вопреки настоящему смыслу постановленій, запрещавшихъ всякому вооруженному мусульману вступать въ Молдавію и Валахію. Это присвоеніе признано даже оттоманскимъ правительствомъ, которое въ своихъ трактатахъ съ Россіей, со времени кайнарджійскаго мира до акерманскаго конвенціи, обмѣнялось возвратитъ княжествамъ означенныя земли, во всегда находило средства уклониться отъ исполненія этихъ обещаній. Теперь это возвращеніе производится сообразно съ духомъ и буквой прежнихъ сдѣлокъ, сообразно съ духомъ и буквой привилегій, истекшихъ изъ самой власти султановъ.

14) Относительно условій, касающихся до дунайскихъ острововъ, не трудно замѣтить, что слѣдствіемъ ихъ будетъ постановленіе судоходства и торговли по этой рѣкѣ подъ исключительный надзоръ Россіи.

(Къ 14). Въ отношеніи къ постановленіямъ, касающимся до дунайскихъ острововъ, достаточно замѣтить, что по силѣ IV статьи бухарестскаго трактата и конвенціи о границахъ, заключенной между Россіей и Портою въ 1817 году, эти острова, въ числѣ двухъ, объявлены нейтральными и должны оставаться незаселенными. Между-тѣмъ они служили убѣжищемъ преступникамъ обихъ странъ и ихъ

тайныя сообщенія съ лѣвымъ берегомъ Дуная передали намъ, въ 1825 году, чуму. Россія приобретаетъ теперь только право учреждать тамъ карантинныя. Она отказывается отъ права воздѣлывать тамъ укрѣпленія и сохраняетъ оттоманскому султану Дунай свободное плаваніе по всемъ рѣкамъ Дуная. Таковы буквальныя постановленія адрианопольскаго трактата. Предосторожности, принятыя противъ одного изъ самыхъ страшныхъ бичей, какіе только могутъ поразитъ страну, не въ состояніи возбуждать ни возраженій, ни безпокойства.

15) Присоединеніемъ къ Сербіи шести, упомянутыхъ въ трактатѣ, округовъ, эта провинція возводится на степень независимаго и могущественнаго государства.

(Къ 15). По словамъ депеши лорда Абердина, Россія присоединяетъ къ Сербіи шесть округовъ, возводитъ ее на степень независимаго и могущественнаго государства. Мы не можемъ признать точности этихъ выраженій. Россія не присоединяетъ къ Сербіи шесть округовъ. Она заставляетъ возвратитъ ей шесть округовъ, которые ей всегда принадлежали, но которые Порты насильственнымъ образомъ отторгла отъ нея послѣ заключенія бухарестскаго трактата и въ то время, какъ Россія была занята своей войною съ Наполеономъ. Возвращеніе этихъ округовъ было формально объявлено акерманскою конвенціею. Адрианопольскій трактатъ содержитъ въ себѣ только возобновленіе этого обещанія. Поэтому онъ не увеличиваетъ пространство Сербіи; не возводитъ ее на степень государства независимаго; онъ не возводитъ ее также и на степень государства независимаго, потому что не прибавляетъ и не пѣмняетъ ни одного слова въ привилегіяхъ, которыя Порты уже даровала ей акерманскою конвенціею. А трудно утверждать, чтобы эта конвенція, оставляющая турецкіе гарнизоны во всехъ крѣпостяхъ Сербіи, постановила ея независимость. Лондонскому кабинету не безвѣстно, и Императорскіе уполномоченные неоднократно предупреджали его конвенціоннымъ образомъ, что если Сербія не возстава во время послѣдней войны, то Порты обязана этому единственно Государю Императору. Возстаніе было готово, весь народъ стремился къ оружію. Мы его остановили, мы сохранили ему миръ. Онъ последовалъ нашимъ совѣтамъ и мы имѣли причину полагать, что политика столь добросовѣстная будетъ справедливо оценена. Неужели же въ вознагражденіе за покорность Сербовъ, мы должны были ихъ покинуть и не только не доставить имъ какого-нибудь новаго преимущества, но даже не потребовать отъ Порты исполненія обязательствъ, которыя она за нашими ручательствомъ приняла на себя въ отношеніи къ нимъ еще до войны?

16) Когда со временемъ союзные Дворы окончателно рѣшатъ, какое правленіе и какія границы надлежитъ дать Греціи, то окончателно образуется цѣлый кругъ земель, парциально-записанныхъ или податныхъ, во оцѣненіи, самымъ справедливымъ духомъ в которыхъ признается со стороны европейскихъ державъ будетъ несообразно съ безопасностію, можетъ быть даже съ самымъ существеннымъ вѣннѣ Турецкой Имперіи.

(Къ 16). Мы уже доказали, что изъ этого круга, которымъ Турецкая Имперія будто бы стѣснена вѣдѣствіемъ адрианопольскаго трактата, слѣдуетъ вывѣсти Валахію и Молдавію, потому что трактатъ не измѣнилъ ихъ политическаго отношенія, и Сербію, въ которой мы сами утвердили повиновеніе Порты, во время нашей войны. Следствіемъ въ этомъ кругѣ остается одна только Греція. Но надобно замѣтить *во-первыхъ*, что независимость Греціи утверждена не адрианопольскимъ трактатомъ; *во-вторыхъ*, что эта независимость казалась лондонскому кабинету предпочтительнѣе, что онъ призналъ ее сообразно съ истинными выгодами Турціи и болѣе способною ослабить непріязненный духъ, которымъ Греки воодушевлены въ отношеніи къ Порты.

17) Коммерческія привилегіи и личныя льготы, упомянутыя въ трактатѣ, русскимъ подданнымъ, кажутся несообразными со всеми понятіями, которыя мы можемъ составить себѣ о власти верховнаго и независимаго владѣтеля. Правда впрочемъ, что капитуляціи, заключенныя вѣдѣствіемъ дурнаго отправления правосудія въ Турціи, многія европейскія націи приобрѣли права, которыхъ бы христіанскія правительства имъ не даровали.

А трактатъ, о которомъ идетъ рѣчь, не только распространяетъ эти права и постановленія его не только не составлены въ миролюбивомъ духѣ, но рассчитаны такъ, чтобы произвести и оправдать возобновленіе непріязненности дѣйствій. Какую разумную надежду на *вѣчный миръ, дружество и доброе согласіе* можетъ подавать документъ, заключающій въ себѣ особенную статью, на основаніи которой отъ прихотливыхъ домогательствъ турецкаго чиновника или недозволенной наглости русскаго торговца, будетъ почти завѣсть возобновитъ военныя дѣйствія.

(Къ 17). Вышеприведенное мѣсто не показываетъ, какія именно привилегіи русскихъ подданныхъ распространены адрианопольскимъ трактатомъ и не соотнобствуютъ «ни одному изъ тѣхъ понятій британскаго кабинета о власти государя и правахъ независимаго владѣльца.» Поэтому намъ остается только самимъ привести и рассмотреть единственныя строки адрианопольскаго трактата, касающіяся до преимуществъ русскихъ подданныхъ.

«Россійскіе подданные, сказано въ VII статьѣ этого трактата, будутъ пользоваться во всей Оттоманской Имперіи, на сушѣ и на моряхъ, полною и совершенною свободою торговли, предоставленною имъ въ трактатахъ, домышъ между обими высочайшими договаривающимися державами заключенныхъ.»

Конечно, не эта статья могла бы возбудить возраженія. Она не распространяетъ преимуществъ русскихъ подданныхъ, но подтверждаетъ тѣ, которыми они пользовались до войны, на основаніи трактатовъ, дарованныхъ имъ только тѣ права, которыя предоставлены британскимъ подданнымъ англійскими капитуляціями. Заключая съ Портою миръ 5-го января 1809 года, Англія также постановила четвертою главою константинопольскаго договора утвержденіе этихъ правъ во всемъ ихъ объемѣ. Мы слѣдовали тому же пути, естественному, законному и общепринятому.

Далѣе въ VII статьѣ адрианопольскаго трактата присоединено: «Сія свобода торговли отнюдь не

нарушаема или стеснена ни въ какомъ случаѣ, и ни подъ какимъ предлогомъ, ни посредствомъ какихъ-либо запрещеній или ограниченій, ниже по повелю какихъ-либо учреждений и мѣръ, и никакихъ по части внутреннего управления или попечительства.

Ясно, что если административнымъ или законодательнымъ постановлениемъ или какимъ-либо запрещеніемъ турецкое правительство могло ограничить свободу торговли, обезпеченную прежними договорами, возобновленными адрианопольскимъ трактатомъ, то эта свобода была бы только мечтательная; трактатъ, въ прочивающей, тоже; а такъ-какъ до войны побѣды мѣры были приняты противъ русской торговли; такъ-какъ Порты остановили нашъ хлѣбъ, не смотря на флагъ его прикрывавшій; такъ-какъ она подвергла секвестру грузы кораблей, шедшихъ изъ Чернаго Моря и принудила шкиперовъ продать ихъ по цѣнамъ назначеннымъ ею самопроизвольно, то справедливо и необходимо было предупредить возобновленіе подобныхъ злоупотребленій.

Въ послѣднемъ параграфѣ VII статьи адрианопольскаго трактата, относящемся къ подданнымъ Его Императорскаго Величества, объявлено, что Россійскіе подданные, ихъ суда и товары будутъ ограждены отъ всякаго насилія и притязанія: первые исключительно будутъ состоять подъ судебнымъ и полицейскимъ заведываніемъ Министра и Консуловъ Россійскихъ».

Мы твердо увѣрены, что первая часть этого параграфа не подаетъ повода никакому замѣчанію, что въ верховнымъ правамъ султана не принадлежитъ право подвергать Императорскихъ подданныхъ и ихъ имущества произвольнымъ насиліямъ и притязаніямъ. Это касается до второй части этого параграфа, то мы свѣдѣемъ на этотъ счетъ только одно замѣчаніе: именно, что со времени канарльскаго мира и торговаго договора 1785 года, русскіе подданные исключительно состояли подъ судебнымъ и полицейскимъ заведываніемъ русскихъ министра и консуловъ и что въ этомъ отношеніи они сравнены съ англійскими и французскими подданными.

Чтобы убѣдиться въ этой истинѣ, стоитъ только раскрыть договоръ 1785 года и прочесть въ немъ: 1) во вступленіи, что Порты дадутъ русскимъ подданнымъ «*ты же самия привилегіи, льготы, преимущества и уступки, какія пользуются англійскіе и французскіе подданные*». 2) Въ статьѣ I, что всякій русскій подданный имѣетъ право путешествовать, жить и оставаться во владѣніяхъ Порты подъ особеннымъ покровительствомъ своего правительства. 3) Въ статьѣ III, что русскіе подданные не подлежатъ харачу и другимъ податямъ, платимымъ христіанскими подданными Порты въ знакъ зависимости и какъ выкупъ своей вѣрности. 4) Въ статьѣ X, что всякій человекъ, о которомъ русскій консулъ объявитъ, что онъ дѣйствительно русскій, долженъ быть немедленно выпущенъ на свободу. 5) Въ статьѣ II, что правами, предоставленными русскимъ подданнымъ и купцамъ, имѣютъ пользоваться также драгоманъ и другіе лица, состоящіе въ службѣ русскихъ министра или консуловъ. 6) Въ статьѣ LV, что драгоманъ и русскіе купцы завѣсятъ отъ русскихъ консуловъ. 7) Въ статьѣ LVIII, что въ случаѣ тяжбы между русскими и иностранными подданными, оттоманскія власти не могутъ представлять себѣ разсмотрѣніе этого процесса, ни пріятельствовать рѣшенію его русскимъ министромъ. 8) Въ статьѣ LXIII, что въ случаѣ спора между русскимъ и оттоманскимъ подданнымъ процессъ можетъ быть разсматриваемъ не иначе, какъ въ присутствіи русскаго драгомана и долженъ быть отданъ до прибытія его, если драгоманъ занятъ въ другомъ мѣстѣ важнымъ дѣломъ. 9) Въ той же статьѣ, что если распрія возникла между русскими подданными, то министръ ихъ при Блистательной Портѣ или консулы ихъ могутъ разсматривать ихъ распріи и произносить приговоръ сообразно съ русскими законами и обычаями, безъ малѣйшаго препятствія и затрудненія со стороны кого бы то ни было. 10) Въ статьѣ LXVII, что судебные и другіе чиновники Порты и проч. не могутъ насильственно входить въ домъ, занимаемый русскими подданными и что въ случаѣ крайней надобности, объ этомъ должны быть предувѣдомлены министры или консулы, тамъ, гдѣ они есть, и что тогда уже можно отправиться на мѣсто съ тѣми, кто отъ нихъ будетъ назначенъ; въ противномъ же случаѣ Порты обязуются наказывать нарушителя этого постановленія по всей строгости законовъ. 11) Въ статьѣ LXXII, что въ случаѣ убійства или другихъ какихъ безпорядковъ, русскіе министры или консулы разсматриваютъ дѣло и произносятъ приговоръ на основаніи своихъ законовъ и постановленій и никакою турецкой чиновникъ не можетъ имѣть въ томъ препятствовать. 12) Въ статьѣ LXXIV, что когда убійство или какое-либо другое преступленіе будетъ совершено русскимъ подданнымъ, или другимъ лицомъ, состоящимъ подъ покровительствомъ Россіи, и правительство будетъ объ этомъ увѣдомлено, то судья и другіе чиновники Порты могутъ разсматривать это дѣло не иначе, какъ въ присутствіи консула или лишь для этого назначенныхъ министромъ или консуломъ, гдѣ бы они ни находились. 13) Наконецъ въ статьѣ LXXIX, что если съ той или съ другой стороны этотъ трактатъ нарушатъ, обезпечивъ кого-нибудь словами или дѣломъ, то русскіе подданные имѣютъ быть наказаны консулами или ихъ начальниками, то есть министрами.

Эти постановленія очевидно доказываютъ, что во всей Оттоманской Имперіи, русскіе подданные находились съ 1785 года подъ судебнымъ и полицейскимъ заведываніемъ русскихъ министровъ и консуловъ, потому-что отъ нихъ зависѣло рѣшеніе процессовъ и дѣлъ о преступленіяхъ и проступкахъ. Эти самыя постановленія сверхъ того доказываютъ, что русскіе подданные находились исключительно

подъ судебнымъ и полицейскимъ заведываніемъ министровъ и консуловъ, потому-что безъ ихъ разрѣшенія и солдаты производя дѣлствія, суда и домовыхъ обысковъ не были дозволены чиновникамъ Порты и что нарушенія трактата могли быть наказываемы только министрами и консулами.

Такимъ образомъ адрианопольскій трактатъ ничего не измѣнилъ въ этомъ отношеніи, не ввелъ ничего новаго, ничего не распространилъ. Онъ только возстановилъ порядокъ вещей, существовавшій 46 лѣтъ. Мы напоминали въ немъ о судебной власти нашихъ министровъ и консуловъ, потому-что въ ноябрѣ 1727, Порты, какъ мы и увѣдомляли въ то время Великобританское правительство, противъ обыкновенія, отказала въ томъ, чтобы при отъѣздѣ Рибоньерра, русскіе подданные купцы были отданы подъ особое покровительство какого-либо другаго христіанскаго правительства, и принудивъ ихъ записаться въ ея собственныя списки, пыталась низвести ихъ до состоянія райевъ. Поэтому необходимо было снова ввести въ силу ихъ прежнія привилегіи. Но повторяемъ, мы только возстановили тѣ, которыми они уже пользовались на основаніи трактата 1785 года, и этотъ договоръ въ свою очередь, какъ видно изъ его вступленія и статей XVII, XX, XXIX, LXXVII и LXXXI, обезпечилъ имъ только привилегіи, которыми уже пользовались подданные венеціанскіе, англійскіе и французскіе. Поэтому намъ трудно понять, какимъ образомъ мы удаляемся отъ всѣхъ принятыхъ понятій о верховной власти и отчего въ статьяхъ, списанныхъ съ прежняго договора, основаннаго на конвенціяхъ Франціи и Великобританіи, адрианопольскій трактатъ дышетъ однимъ лишь честолюбіемъ и войною?

18) Англійское правительство убѣждено въ томъ, что «Его Императорскому Величеству не возможно будетъ поразмыслить о выраженіяхъ VII ст. адрианопольскаго трактата, не замѣтивъ тотчасъ же, что они клонятся къ уничтоженію независимости Оттоманской Имперіи».

Въ этой статьѣ постановлено, что купеческіе суда всѣхъ націй, какой бы величины ни были и съ какими бы то ни было количествами груза, получаютъ право свободно проходить чрезъ Дарданельскій Провлиъ и Константинопольскій Каналь. Право осмотра со стороны турецкаго правительства именнымъ образомъ объявлено. Эта статья не только отнимаетъ у Порты возможность пользоваться въ своихъ собственныхъ владѣніяхъ правомъ, присущимъ свойству независимаго самодержавія, но лишаетъ ее даже средства сохранить себя отъ несправедливыхъ дѣйствій иностранцевъ и избѣить своихъ собственныхъ подданныхъ. Право отправлять во всякое время русскую армію чрезъ всякій пунктъ оттоманскихъ владѣній безъ разрѣшенія Дивана, не было бы ни болѣе унизительнымъ, ни болѣе опаснымъ. Подобныя постановленія не только разрушительны для земельныхъ правъ единодержавія и грозны для Порты, но, очевидно, клонятся къ нанесенію вреда положенію и интересамъ всѣхъ морскихъ державъ въ Средиземномъ Морѣ и суть такого свойства, что должны обратитъ на себя особенное вниманіе этихъ державъ.

«Какимъ образомъ можно будетъ на будущее время доказать назначеніе судна? Въ прежнихъ трактатахъ Россія сама определяла величину и количество груза кораблей, которые будутъ допускаться, и въ этомъ отношеніи основывалась на томъ, что было болѣе обычнымъ и выгоднымъ въ судоходствѣ по этимъ водамъ. Право осмотра для доказательства свойства и цѣнности грузовъ и опредѣленія привозныхъ пошлинъ, вообще покинуто Портою въ пользу иностранныхъ судовъ; она согласилась считать объявленія капитана, переданныя ей консулами, достаточными доказательствами, замѣняющими дѣйствительный осмотръ. Но отъ права осмотра судна, для того, чтобы узнать его назначеніе и цѣль его плаванія, никогда не отказывалась, и государство, сколько нибуду ревнующее о своей независимости и безопасности, никогда не можетъ отъ него отказаться. Порты не только воспрещено вмешиваться какимъ-либо образомъ во все касающееся свободнаго переноса русскихъ судовъ черезъ проливы, но она не можетъ даже пользоваться этой необходимой принадлежностью самодержавія въ сношеніяхъ своихъ со всеми другими державами, — и это на основаніи трактата, заключеннаго съ Императоромъ».

«Если турецкое правительство вздумаетъ остановить и осмотрѣть корабль, принадлежащій иностранному государству, то будетъ имѣть дѣло не съ этимъ государствомъ, съ которымъ, быть-можетъ, у Порты не будетъ трактата, а съ Императоромъ Всероссийскимъ, который въ силу этой статьи получитъ законный предлогъ объявить Порты войну. Но положимъ, что такое государство рѣшится послать корабль вооруженный, или наполненный вооруженными людьми, въ турецкія воды и къ стѣнамъ Серали съ неприязненными намереніями; будетъ ли Его Императорское Величество, на основаніи адрианопольскаго трактата, отвѣчать на такой поступокъ? Во всякомъ случаѣ султанъ будетъ совершенно зависеть отъ Россіи въ вопросѣ жизни немомъ для достоинства и безопасности своего правительства».

(Къ 18). Лондонскій кабинетъ въ-особенности возстаетъ противъ отмены права осмотра судовъ, проходящихъ черезъ Константинопольскій Каналь, и считаетъ ее нарушеніемъ независимости Оттоманской Имперіи. Но во-первыхъ не обиниваемая статья адрианопольскаго трактата, а еще ст. XXX торговаго договора 1785 года, первая отменила осмотръ. Вотъ что сказано въ ней: «Они (русскіе суда, проходящіе черезъ Константинопольскій Каналь) не должны подвергаться ни малѣйшей остановкѣ или осмотру, какими бы товарами нагружены ни были». И далѣ ст. XXXII: «Порты обязывается на то, чтобы корабли и суда подъ русскіимъ флагомъ, прибывающіе изъ Чернаго Моря и проходящіе черезъ Константинопольскій Каналь, послѣ того какъ представятъ списокъ ихъ груза, засвидѣтельствованный русскіимъ посланникомъ и безъ замедленія выдаютъ имъ фирманъ *изписефине*, ни въ какомъ случаѣ не были останавливаемы и чтобы означенныя суда, предъявивъ упомянутый фирманъ при выходѣ изъ Дарданельскаго Бѣлаго Моря, могли безъ всякаго замедленія идти куда имъ угодно. Равноумно и суда подъ русскіимъ флагомъ, приходящіе изъ другихъ странъ черезъ Дарданельскій Бѣлаго Моря, для возвращенія въ русскіе порты на Черномъ Морѣ, при проходѣ черезъ Дарданельскій этого моря, представятъ фирманъ, полученный ими въ вѣдѣніи представленнаго ими списка ихъ груза, засвидѣтельствованнаго русскіимъ посланникомъ, имѣютъ проходить безъ остановки. Наконецъ по ст. XXXV, корабли, нагруженные провіантомъ, приходящіе изъ Россіи, или отправляющіеся туда черезъ Константинопольскій Каналь, не должны быть подчинены никакимъ местнымъ постановленіямъ. На основаніи торговаго трак-

тата 1785 года, осмотръ допускается (ст. XXXIII и XXXIV) только въ *одномъ случаѣ*, когда можно подозревать, что въ числѣ людей экипажа находится подданный Порты, но и тогда даже онъ долженъ проходить съ согласія Россійскаго Двора, *свободною осторожностью*, ограниченною экипажемъ, никогда не распространяется на товары, экипажа, и затрудняетъ транзитную торговлю и ему ни въ какомъ случаѣ не долженъ предшествовать, или сопровождать его, или слѣдовать за нимъ, какой-либо другой осмотръ, клонящійся къ тому, чтобы доказать характеръ судна или цѣль его плаванія».

Таковы были условія Россіи съ Оттоманской Портой до войны. Адрианопольскій трактатъ несколько ихъ не нарушилъ. И такъ эта отмена права осмотра существуетъ въ пользу Россіи уже полвѣка, и она такъ мало вредитъ независимости Порты, такъ мало соответствуетъ возможности отправлять армію чрезъ ея владѣнія, что существуетъ равноумно и для другихъ державъ, а именно Австріи, Англии, Франціи и Пруссіи. Австрія добилась ее еще 24 февраля 1784 года, съ помощію султанскаго *сенеда*, въ которомъ объявлено, ст. V и VII, «что подданные с. в. императора австрійскаго будутъ считаться въ Оттоманской Имперіи наравнѣ съ націями, болѣе благоприятствуемымъ, а именно Французами, Англичанами, Голландцами и Русскими, будутъ пользоваться всеми преимуществами, которыми пользуются уже или могутъ пользоваться впоследствии націи, болѣе благоприятствуемая и подобно Русскимъ, свободно проходить черезъ Константинопольскій Каналь, не платя никакой пошлины». Несколько лѣтъ спустя, 30 октября 1799 года, тѣ же преимущества были предоставлены Англии по той Портѣ, въ которой находится слѣдующее мѣсто: «эта уступка (право для англійскихъ купеческихъ судовъ проходить черезъ Константинопольскій Каналь) будетъ сохранена въ-отношеніи къ купеческимъ судамъ англійскаго двора, такъ какъ она *приводится въ исполненіе въ-отношеніи къ другимъ державамъ, болѣе благоприятствуемымъ*».

Франція въ свою очередь воспользовалась случаемъ утвердить за собою эти преимущества и постановила, трактатомъ 23 го іюня 1802, ст. II. «Что французскія суда будутъ, какъ при входѣ въ Черное Морѣ, такъ и при выходѣ изъ него, *имѣть уравнены*, во всемъ, что можетъ благоприятствовать свободному судоходству, съ купеческими судами націй, производящихъ торговлю въ этомъ морѣ, и ст. IX. «Что Франція и Порты взаимно представляютъ все преимущества *уже дарованныя*, или имѣющія быть дарованными другимъ державамъ, какъ будто означенныя преимущества слово въ слово постановлены въ настоящемъ трактатѣ».

Пруссія также послѣдовала примѣру, данному ей кабинетами вѣнскимъ, лондонскимъ и парижскимъ. Она потребовала выгоды, подобныя тѣмъ, которыхъ они добились въ свою пользу, и Порты объявила, 17 іюля 1806 г., «что прусскіе подданные и купцы могутъ проникать во все море, порты и страны подъ оттоманскимъ владычествомъ, что съ ними, равно какъ и съ ихъ судами, будутъ поступать *какъ съ подданными другихъ націй болѣе благоприятствуемымъ*, и что они будутъ пользоваться тѣми же *извѣстными*, выгодами и преимуществами».

Итакъ постановленія, освобождающія русскія суда, при проходѣ черезъ Константинопольскій Каналь, отъ всякаго осмотра, который клонился бы къ тому, чтобы доказать характеръ ихъ или цѣль ихъ плаванія, не новы и истекаютъ не изъ адрианопольскаго трактата. И такъ, какого бы свойства ни были наши права и преимущества въ этомъ отношеніи, Австрія, Англія, Франція, Пруссія добились и получили ихъ. И такъ онъ пользовались ими до адрианопольскаго трактата, онъ пользуются ими понынѣ, и мы ни въ какомъ предположеніи не можемъ признать за ними права упрекать насъ за нихъ.

Правда, что адрианопольскій трактатъ отменилъ постановленія 1785 г., ограничивавшія вмѣстѣмъ и весь грузъ кораблей, которымъ предоставлено свободное судоходство по Константинопольскому Каналу, но онъ отменилъ ихъ на основаніи положительнаго права Россіи, права, которое Государь Императоръ считаетъ безспорнымъ и въ-отношеніи къ которому онъ никогда не сдѣлаетъ никакихъ уступокъ, права упрочить и облегчить свободное морское торговое сообщеніе между Его южными провинціями и остальною частью Европы и всего міра. Это сообщеніе можетъ быть производимо только черезъ Константинопольскій Каналь, и отсюда протекаетъ для насъ не только законное желаніе, но и необходимая потребность, безусловная обязанность препятствовать тому, чтобы кака-либо посторонняя держава, полагая препятствія или замедляя судоходство по этому каналу, лишала часть русскіихъ владѣній средствъ торговли и благосостоянія, предоставляемыхъ имъ природой и ихъ географическимъ положеніемъ. Въ этомъ отношеніи положеніе наше не можетъ сравниться съ положеніемъ никакой другой европейской державы. И притомъ, какое неудобство можетъ возникнуть для Порты, въ томъ, что судно, проходящее черезъ Босфоръ и Дарданеллы, будетъ имѣть грузъ не въ 26, а въ 30 или 35 тысячъ *пудовъ*. Конечно, эта разность не причиняетъ никакого прямого или косвеннаго ущерба, тогда какъ намъ она существенно вредна, тогда какъ она ограничиваетъ въ одно и то же время и наши обороты и обороты странъ, корабли которыхъ посвящаютъ наши черноморскіе порты, тогда какъ она полагаетъ судоходству очевидную преграду, и сама Порты далеко не извлекаетъ изъ нея пользы, находить въ ней только возможность вредить намъ. Если бы господство надъ двумя берегами пролива доставляло права, о которыхъ говоритъ лондонскій дворъ, Данія и Швенія, согласившись между собою, имѣли бы также право разрывать проходъ черезъ Зундъ только судамъ извѣстной формы и извѣстной вмѣстимости, право осматривать, задерживать ихъ и слѣдовательно запе-

реть Балтийское Море для торговли Россіи, Англіи, Пруссіи и всѣхъ другихъ европейскихъ державъ. Испанія и мароккскій императоръ могли бы пользоваться тѣми же самыми правами надъ Гибралтарскимъ Пролитомъ и запереть Средиземное Море съ немалой строгостью. Возможно ли допустить такой посялокъ вещей?

Ученіе, о которомъ идетъ рѣчь, можно было бы поддерживать въ былое время, когда все берега Чернаго Моря принадлежали Портѣ, но теперь, когда они по большей части перешли во власть Россіи, было бы противно всякому началу справедливости, чтобы Порта имѣла притязаніе управлять судоходствомъ по атому морю и постановлять объ этомъ предметѣ правила, какъ будто она еще исключительно на немъ господствуетъ. Намъ возражаютъ, что проходъ кораблей со всякимъ грузомъ вредитъ безопасности Оттоманской Имперіи. Мы не видимъ однако, чтобы не мѣше свободный проходъ черезъ другіе важные проливы навлекъ опасности на государство, дарующія его, мы не видимъ, чтобы онъ угрожалъ Константинополю или Кадиксу. При томъ же въ ст. VII адрианопольскаго трактата это право свободнаго прохода имѣнно постановлено только въ пользу купеческихъ судовъ. Гдѣ же опасность, возникающая отъ этого для Порты? Развѣ купеческое судно не имѣетъ своего особаго флага? Развѣ его нельзя узнать даже въ открытомъ морѣ по постройкѣ и формѣ? Наконецъ адрианопольскій трактатъ, упоминающій только о купеческомъ судоходствѣ, не предоставляетъ ли черезъ это самое (ipso facto) турецкому правительству права открывать всякое военное судно, которое попытается бы, безъ его особаго разршенія, пройти черезъ Дарданеллы и Босфоръ? Британскій кабинетъ предполагаетъ, что при всемъ томъ военные корабли могутъ бросать якорь даже передъ самымъ сераляемъ, съ самыми враждебными намереніями. Мы думаемъ, что это предположеніе не относится къ Россіи, потому что означало бы самое постыдное нарушеніе святости трактатовъ. Постановитъ, что черезъ Константинопольскій Каналъ будутъ пропускаться только купеческіе корабли, и проводить подъ видомъ купеческихъ кораблей военные, — значило бы не только нарушить священное обещаніе, но и нарушить его способомъ самымъ недостойнымъ великой державы. Невозможно, чтобы это предположеніе англійскаго кабинета касалось правительства Его Императорскаго Величества; впрочемъ мы съ тѣми же жаромъ отвергнемъ его и въ отношеніи ко всякому другому европейскому правительству. Мы не знаемъ ни одного изъ нихъ, которому бы можно было приписать подобныя намеренія. Если ихъ опасаются со стороны Грековъ, то мы отвѣтимъ еще, что это значило бы нанести безполезное оскорбленіе этой націи и государю, который будетъ управлять ею. Мы отвѣтимъ, что подобное предпріятіе подпадетъ подъ гарантію, которою три двора будутъ сопровождать свои постановленія относительно Греціи, и заставить ихъ преслѣдовать его виновниковъ.

Статье VII адрианопольскаго трактата мы, правда, утвердили преимуществу за иностранными націями, но Великобританія, Франція, Австрія и Пруссія должны были пользоваться ими по праву, потому что ихъ конвенціи съ Портой всегда причисляютъ ихъ къ разряду государствъ *наибольше* благоприятствуемыхъ. Мы слѣдовательно для нихъ ничего не постановляли. Съ другой стороны, заботясь объ успѣхахъ черноморской торговли, мы исполнили существующую обязанность въ отношеніи къ намъ самимъ и въ то же время оказали услугу странамъ, которыя занимаются этой торговлей, уравнявъ ихъ преимущества съ нашими преимуществами, ихъ права съ нашими правами.

Онѣ единодушно изъявляютъ намъ за то живѣйшую признательность.

Если адрианопольскій трактатъ предупреждаетъ захватываніе или задержаніе судовъ, принадлежащихъ націямъ, не состоящимъ въ открытой войнѣ съ Портою, то это потому, что такое задержаніе или захватываніе — явное нарушеніе между-народнаго права, и что при всемъ томъ Порта неоднократно нарушала его такимъ образомъ; это потому, что одна возможность такихъ мѣръ уничтожаетъ довѣріе, необходимое для торговли и черезъ то самое причиняетъ намъ дѣйствительный вредъ; наконецъ потому, что эти мѣры приняты турецкимъ правительствомъ только на основаніи потерь, простирающихся изъ нихъ для насъ и потому, что въ такомъ случаѣ мы имѣли основаніе, опираясь на политику и справедливость, ограничить себя отъ ихъ возобновленія.

Угрозительное постановленіе, заключающее ст. VII адрианопольскаго трактата, не имѣетъ другой цѣли. Не должно забывать, что съ 1812 года по 1828 Порта пять разъ въ 1812, 1815, 1821, 1822 и 1825, 1827 и 1828 годахъ останавливала, посреди мира, южную торговлю Россіи, пять разъ повергала въ забвеніе трактаты, ее охраняющіе, пять разъ закрывала единственныи нашъ морской портъ для сбыта нашихъ товаровъ. Она фактически имѣетъ въ рукахъ своихъ власть подвергать насъ, когда ей вздумается, настоящему беззачію, власть нанести самый чувствительный ударъ нашей промышленности и нашему земледію, и этой властью она пользовалась, вопреки торжественнымъ обещаніямъ. И такъ очевидно было, что этихъ обещаній для насъ недостаточно. Необходимо было принять за правило, что естоль неирязканные поступки будутъ сопровождаемы на будущее время возмездіями, которыхъ заслуживаютъ. После столькихъ горестныхъ опытовъ, Его Императорское Величество не могъ предоставить благополучіе и богатство обширной части Своей Имперіи на произволъ правительства, которое донынѣ, при исполненіи своихъ конвенцій, не знало другаго религіознаго и политическаго закона, кромѣ необходимости. Эта необходимость теперь для него существуетъ и существу для его же блага. Мы доказали бы, что ищемъ случая возжигать вновь войну, мы погубили бы, бы, можетъ, Оттоманскую Импе-

рію, если бы не предостерегли ее относительно власти, которую она пользуется внезапно, когда ей вздумается подвергать страданіямъ наши южныя провинціи.

Означенное условіе осуществляетъ то, что возмѣщала наша декларация отъ 14 апрѣля 1828 года, касательно свободнаго судоходства по Черному Морю. Было только два средства упрочить его. Матеріальными гарантіями, завладѣвъ пунктомъ, который бы господствовалъ надъ Босфоромъ, подобно тому, какъ Гибралтаръ господствуетъ надъ проливомъ того же имени, или гарантіями дипломатическими, добившись условій, подобныхъ тѣмъ, которыя мы только что заключили.

Государь Императоръ предпочелъ этотъ послѣдній способъ и такимъ образомъ представилъ новый залогъ Своей умѣренности.

19) Британское правительство всегда было убеждено, что правомъ наложить на Порту денежные пожертвованія въ видъ вознагражденія или уплаты военныхъ издержекъ, будутъ пользоваться въ томъ духѣ справедливости и умѣренности, о которомъ было возмѣщено. Его Императорское Величество, конечно, признаетъ, что при сужденіи о характерѣ сдѣлки такого рода, необходимо соразвѣрять требуемую сумму не только съ издержками, причиненными войною, но также и со средствами государства, которое должно платить ее. Санктпетербургскій кабинетъ, безъ сомнѣнія, признаетъ правила, что вознагражденія, денегныя или поземельныя, не должны своимъ тяжестью подавлять государство, которое принуждено произвести это вознагражденіе, въ своимъ послѣдствіи нарушать военную безопасность союзныхъ и союзныхъ государствъ. Государь Императоръ слишкомъ просвѣщенъ, чтобы не желать, даже посреди побѣдъ, непоколебимаго сохраненія системы, установленной для общаго спокойствія Европы и въ которой Августѣйшій предшественникъ Его Императорскаго Величества принималъ столь отличное и почетное участіе. Поэтому великобританское правительство съ живѣйшимъ удовольствіемъ узнало изъ объявленія, сдѣланнаго графомъ Нессельродомъ нашему преемодительству для сообщенія сюда, что *намереніемъ не только уменьшить опредѣленную сумму, но также приписать другія мѣры на счетъ обезпеченія этой уплаты.* Такимъ образомъ дѣйствій Его Императорскаго Величества неоспоримо докажетъ Свое великодушіе и Свое вниманіе къ началамъ справедливости и либеральной политики, которое одно можетъ упрочить за нимъ довѣріе Его союзниковъ и уваженіе Европы.

Еслибы Императоръ не былъ естественно расположенъ къ такому намеренію, то къ тому побудилъ бы его причина благодарности, какъ къ мѣрѣ, необходимой для обезпеченія интересовъ, которыми Онъ, по собственному Его объявленію, дорожитъ. Его Императорское Величество объявилъ, что для собственныхъ выгодъ Россіи Онъ долженъ, болѣе чѣмъ какая-либо другая изъ европейскихъ державъ, желать, чтобы Оттоманская Имперія сохранила свое независимое существованіе и свою неприкосновенность. Онъ также неоднократно признавалъ, что положеніе христіанскихъ подданныхъ Порты требуетъ Его постоянной почтительности и что долгъ совѣсти, равно-какъ и трактаты, возлагаютъ на Него обязанность нецѣль объ ихъ благосостояніи и покровительствовать имъ. Эти различныя интересы, которые во всякое время трудно согласить, сдѣлались бы совершенно несогласными при строгомъ исполненіи трактата. Положеніе оттоманскаго правительства столь извѣстно, что не можетъ укрыться и отъ самаго поверхностнаго наблюдателя. Султанъ окруженъ независимыми государствами, составленными изъ частей его собственныхъ владѣній. Огромная масса европейскаго населенія его имперіи съ нетерпѣніемъ ожидаетъ минуты, когда ей можно будетъ воспользоваться поданными при-мѣромъ и избавиться отъ его владычества. Побѣжденный и глубоко униженный, онъ сохранилъ свой тронъ и свое политическое существованіе только по великодушію побѣдителя. Магометанскіе его подданные всѣхъ классовъ не питаютъ къ нему признательности, и это расположеніе, порожденное или бедствіями, означенными его царствованіемъ, или преобразованіями, давно предпринятыми, сдѣлалось всеобщимъ. Въ такомъ состояніи, съ властью, сильно потрясенною и средствами истощенными, онъ долженъ уплатить постановленныи трактатомъ вознагражденія. Какимъ образомъ султанъ можетъ перенести это бремя? и кѣмъ должны быть сдѣланы эти жертвы? Если турецкое правительство сохранитъ возможность дѣйствовать, какъ правительство независимое, то оно, что требуется сум-мы не могутъ быть собраны иначе, какъ посредствомъ новыхъ налоговъ, которые придется потребовать отъ народа, и другими средствами, которыя допускаются законами и обещаніи имперіи. Не мѣше достоверно и то, что въ этомъ главнѣйшее должны участвовать христіанскіе подданные Порты. Имъ трудно будетъ исполнить требованія правительства; но необходимость послужитъ оправданіемъ строгости. Могутъ возникнуть сопротивленія. Уничажены успѣхомъ, они поделятъ за собою всеобщее смѣненіе и возмущеніе. Если же они будутъ подавлены, то за ними послѣдуютъ угнетенія и хищничества. Во всякомъ случаѣ отъ этого произойдутъ новыя бедствія; они будутъ таковы, что сдѣлаютъ невозможнымъ достиженіе цѣлей Его Императорскаго Величества и въ-особенности произведутъ разрушительное дѣйствіе на независимость Порты, равно-какъ на счастье и благоденствіе ея христіанскихъ подданныхъ.

(Къ 19) Вознагражденіе, опредѣленное добавочной конвенціей къ адрианопольскому трактату, мы опредѣлили именно по правиламъ, изложеннымъ здѣсь лондонскимъ кабинетомъ, по средствамъ Турціи, а не по нашимъ издержкамъ.

Наша война въ Европѣ и въ Азіи, необходимость вести ее въ странахъ, которыя не только не могли прокармливать наши войска, но принуждали Россію одну доставлять ить продовольствіе, обязанность содержать два флота и издержки, причиненныя тремя послѣдовательными наборами, стоятъ намъ болѣе *двухъ сотъ милліоновъ рублей.*

Чтобы облегчить бремя такого долга, мы приняли мѣста въ Азіи, о которыхъ упомянуто выше и которыя мы обывиваемъ въ половину нашихъ издержекъ. Размысливъ о небольшомъ пространствѣ приобретенныхъ нами земель, о малой важности ихъ для Оттоманской Порты, о совершенно-отрицательномъ свойствѣ выгоды, которыя онѣ намъ представляютъ, и о невозможности, въ которой мы находимся извлечь изъ нихъ какіе-либо доходы, надобно будетъ сознаться, что, отнявъ ихъ во сто милліоновъ, мы выказали болѣе вниманіе къ положенію Порты.

Денегныя вознагражденія, которыя мы получили, впрочемъ тѣмъ менѣе преувеличены, что отъ одной Порты завязало уменьшить ихъ. Мы предлагали ей миръ въ то самое время, какъ она принуждала насъ объявить ей войну. Она не сдѣлала никакого отвѣта на наше сообщеніе. Мы предлагали ей миръ, когда войска наши достигли только Траянова Вала. Наши предложенія были отвергнуты. Мы предлагали ей миръ послѣ взятія Варны и почти по собственной ея просьбѣ. Но узнавъ, что мы согласились бы всту-

пить въ переговоры, она уже не захотѣла начать ихъ. Мы повторили ей выраженіе тѣхъ же желаній послѣ рѣшительной битвы при Кулуджи. Она отвѣтила намъ. Въ то время, когда мы уже принуждены были сдѣлать два похода, перейти черезъ Балканы, занять Адрианополь и заставить договорить Магометъ Азін, въ то время, когда онъ въ собственныхъ своихъ глазахъ, почти уже не существовалъ, упо-моченные ея явились, чтобы начать переговоры и принять трактатъ. Величствіе столь упорной битвы вознагражденіе, какъ мы и предсказывали, могло только возрастать въ прямой пропорціи съ продолженіемъ войны. Порта для собственной своей пользы должна была почувствовать послѣдствія своихъ воинственныхъ намереній и упорство, съ которымъ она ихъ преслѣдовала. Иначе побѣда осталась бы на ея сторонѣ. Положеніе Сербіи и княжествъ не измѣнилось; то, что мы сохранили изъ нашихъ завоеваній, ничтожно; то, что мы приобрѣтали для нашихъ подданныхъ и для нашей торговли, ограничилось возобновленіемъ нашихъ прежнихъ конвенцій, съ однимъ только исключеніемъ въ пользу вѣстности судовъ. Такимъ образомъ Порта могла бы ослабить насъ окрѣпленіями, нарушить свои договоры съ нами, остановить провѣщаніе нашихъ провинцій, принуждать насъ объявлять ей войну, которой справедливость все дворя твердой земли и сама Австрія горюко и вполнѣ признали; продолжать ее по своему желанію, поставить насъ въ чрезвычайно-критическое положеніе въ отношеніи къ великимъ державамъ, допустить насъ до воротъ своей столицы, не потерпѣть никакого затрудненія за все тѣ, которыя она намъ причинила, остаться въ томъ положеніи, въ которомъ она была прежде, и приобрести отъ своихъ выходовъ и поражений все плоды, которые могли ей доставить мудрая политика и счастливое сопротивленіе, однимъ словомъ имѣла бы привилегію нарушать свои обязательства, не платя за то, терять самыя страшныя пораженія, не испытывая ихъ результатовъ, и заставить тратить милліоны, не возвращая ни одного. Въ такомъ случаѣ ея слабость была бы выгодною нашей силѣ, ея пораженія получили бы нашихъ побѣдъ. Война не стоила бы ей ничего, потому что извѣстно, какъ она платитъ своимъ войскамъ, а насъ истощала бы людьми и деньгами. Ее осыпали бы знаками участія, а насъ вознагражденіями. Военское участіе не имѣло бы неблагоприятныхъ шансовъ для нея и благоприятныхъ для насъ. Существуютъ ли въ исторіи примѣры подобныхъ преимуществъ? Между тѣмъ вотъ права, которыя насъ приглашаютъ даровать ей, требуя, чтобы мы, оскорбленные турецкимъ правительствомъ и принужденные сражаться съ нимъ, не получили при заключеніи мира никакой выгоды, никакого вознагражденія.

Какъ бы то ни было, Государь Императоръ очевидно доставилъ удовольствіе лондонскому кабинету, объявивъ, по собственному побужденію, что мы согласны уменьшить сумму вознагражденій за издержки войны и измѣнить обезпеченіе уплаты этой суммы. Его Императорское Величество сохранилъ это намереніе, и отъ Галиль-Паши, ожидаемаго въ скоромъ времени въ С.-Петербургѣ, будетъ зависѣть удостовериться въ томъ, какъ оно исполнено. Если онъ начнетъ переговоры въ томъ духѣ, въ какомъ они должны быть ведены, если на основаніи дополнительной конвенціи къ адрианопольскому трактату онъ прибѣгаетъ въ великодушію Государя Императора, то скорѣе узнаеть, что турецкое правительство имѣетъ легкія средства погасить большую часть своего долга, довести до весьма немногаго обезпеченія незначительной суммы, которая тогда бы осталась, и раздѣлить уплаты по своимъ желаніямъ и возможности. Онъ даже узнаеть, что ея вполнѣдствіи политика султана будетъ выказывать дружественное расположеніе къ Россіи, то эта сумма можетъ еще уменьшиться и скорѣе совершенно уничтожиться. Но если Галиль-Паша заговоритъ высокочиннымъ языкомъ, который предписываютъ ему нѣкоторыя инструкціи, сообщенныя разнымъ дворамъ; если онъ взеть объявить, что Порта намерена исполнить адрианопольскаго трактата, если онъ взеть обвинять монарха, которому Оттоманская Порта обязана своимъ спасеніемъ, и требовать какъ права того, что можетъ быть только милостію, то посольство его не можетъ имѣть никакого успѣха. По атому успѣхъ совершенно въ рукахъ Порты.

20) Есть другія соображенія, которыя заслуживаютъ того, чтобы Его Императорское Величество не опускало ихъ изъ виду.

Нѣтъ сомнѣнія, что результатъ войны совершенно измѣнитъ положеніе воюющихъ державъ, какъ въ отношеніи другъ къ другу, такъ и въ отношеніи къ соединяемъ государствамъ и остальной Европѣ; это измѣненіе, въ которомъ образомъ, должно сознаться, естественное послѣдствіе неравной борьбы; потому что, послѣ войны, означенной самыми блестящими успѣхами съ одной стороны и неперывными неудачами съ другой, было бы совершенно-нелогично думать, что обѣ стороны могутъ во всѣхъ отношеніяхъ вступить снова въ прежній свои отношенія. Поэтому совершающемуся перемену мы должны были предвидѣть не только условія мира, но и событія войны. Какимъ бы образомъ она ни была приведена, но достаточно очевидности факта, чтобы оправдать опасенія державъ, всегда принимавшихъ живое участіе въ сохраненіи системы равновѣсія, учрежденной въ Европѣ нѣскими трактатами и актами вѣскаго конгресса. Это опасенія должны значительно увеличиться, когда мы видимъ, что сверхъ слабости и совершеннаго истощенія оттоманскаго владычества, приведены въ дѣйствіе новыя причины, съ явнымъ намереніемъ ускориить и сдѣлать болѣе вѣрнымъ совершенное его распадѣніе. Неприятное чувство, сопровождающее неизвѣстность, ожиданіе и боязнь, должно быть ощущаемо во всѣхъ частяхъ Европы. Предметы, самыя противныя общему спокойствію будутъ несудьями и держава, вместо того, чтобы положить оружіе, вѣроятно, будутъ помышлять объ увеличеніи своихъ военныхъ приготавленій, слишкомъ уже обширныхъ для мирнаго положенія.

Мы будемъ въ состояніи устранить угрожающія намъ опасности, только при чистосердечной волѣ Его Императорскаго Величества устранить великія дѣйствительныя поводы къ подозрѣніямъ и опасеніямъ, только при перенесеніи соединенія Его успѣхъ съ успѣхами Его союзниковъ, для укрѣпленія и продленія спокойствія, которыя пользовалась доселѣ Европа и тогда только, когда мы сдѣлаемъ изъ этого великую цѣль европейской политики.